

М И Х А И Л С Е Р Е Г И Н

МЧС

РАБОТА
ДЛЯ НАСТОЯЩИХ
МУЖЧИН

ШТОРМОВОЕ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

МЧС

Михаил Серегин

Штормовое предупреждение

«Научная книга»

2006

Серегин М. Г.

Штормовое предупреждение / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2006 — (МЧС)

Тьма накрыла город Бельск, вода затопила его улицы, свистит ураган, горит лакокрасочный завод... Словом, лучшего времени для грабежей не придумаешь. Рецидивист Черный со своими отморозками вышел на дело. Никто в силах оказать бандитам достойное сопротивление. Кроме, пожалуй, спасателя из МЧС и десятилетнего паренька-детдомовца. Эти двое буквально достали Черного и поубавили людей из его банды. Больше, чем набить карманы, Черный жаждет разделаться с ними. И случай дает ему такую возможность: крутая парочка спряталась в богатом доме, теперь можно прихлопнуть обоих и заодно неплохо пожить. Черный начинает охоту за двумя зайцами...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Михаил Серегин

Штормовое предупреждение

Глава 1

– Валентин Петрович, а ты вообще на сколько думаешь задержаться в Бельске? – осторожно спросил водитель, не отрывая глаз от дороги. – Или прямо сегодня вернемся?

Пантюхину, штатному водителю городского управления МЧС, было около сорока лет, отличался он неважным характером и непомерной амбициозностью. Как правило, ему доводилось возить начальство (одно время он даже возил начальника управления Косицина), а потому он и себя привык считать в какой-то степени начальником. То, что сегодня он оказался в распоряжении Грачева, Пантюхин рассматривал как досадную случайность. К тому же ему пришлось пересест за руль не самого нового «УАЗа», а это было уже почти оскорбление. Пантюхин был не настолько глуп, чтобы высказывать все это напрямую, но своим поведением и тоном каждую минуту подчеркивал, что делает большое одолжение, занимаясь перевозкой простых спасателей. Они и с выездом задержались по его капризу. Пантюхин намеренно долго ломался и осматривал машину, втайне надеясь, что в ней обнаружится какой-нибудь неисправимый дефект и начальство поймет свою ошибку и отменит этот идиотский рейс в захолустный Бельск. К его разочарованию, машина оказалась в исправности, но часа полтора они потеряли. Потом еще какое-то время потратили на погрузку и в результате выехали гораздо позже, чем планировалось.

Грачев недовольно покосился на водителя, а потом перевел взгляд на пронсящую за окном машины горячую степь, над которой низко висело раскаленное огромное солнце. Время уже давно перевалило за полдень, а ехать им оставалось еще минут сорок, не меньше.

– Сегодня скорее всего не получится, – раздельно и четко сказал он, чтобы предупредить дальнейшие вопросы. – Сам виноват, между прочим. Копался долго.

– Я не копался, – с достоинством ответил Пантюхин. – Я машину проверял. Я отвечаю за жизнь и здоровье пассажиров и на чем попало ездить не могу. Ты, Валентин Петрович, спасатель, а таких простых вещей не понимаешь!

– Да ладно! – махнул рукой Грачев. – Степанов тебе сразу сказал, что машина в полном порядке, – сам слышал.

– Мало ли что Степанов сказал, – уклончиво заявил Пантюхин. – Степанов сейчас груши околачивает, а тут мотайся по жаре! Это надо же какое пекло! Как у черта на сковороде. Не к добру такая жара, вот что я тебе скажу, Валентин Петрович!

Он наконец повернулся и посмотрел на Грачева. Глаза у Пантюхина были почти бесцветные, слегка выпученные и злые.

– Ладно, не каркай! – буркнул Грачев. – Лето – вот и жара. Противопожарные мероприятия соблюдать надо и на голову что-нибудь надевать. Тогда никаких проблем не будет.

– На все воля божья! – назидательно заметил Пантюхин. – Тут одними мероприятиями не отделаешься.

Грачев не стал дальше поддерживать разговор – было и правда невыносимо жарко, да и настроение у него было неважное. Поездка в Бельск ему самому была не по душе. Но утром их с Величко вызвал начальник управления Косицин и просто поставил перед фактом. Он это любил – ставить людей перед фактом.

– Значит, так, – с наигранным воодушевлением произнес он, едва подчиненные появились у него на пороге. – Едете сегодня в Бельск. Там по инициативе администрации организо-

вали службу спасения. Просили поделиться опытом. Задать общее направление, так сказать. Ну, я, естественно, сразу про вас подумал. Вам-то опыта не занимать.

– Это точно, – сказал Грачев. – Но только какое отношение мы имеем к Бельску?

– Никакого, – радостно согласился Косицин. – Мы с вами напрямую подчиняемся федеральному министру, а в Бельске служба сугубо муниципальная. Это вроде как в Америке – есть ФБР, а есть полиция штата. Но мы обязаны поддержать такой благородный почин. Тем более мэр Бельска очень дружен с областной администрацией, и его инициативы находят тут самый положительный отклик.

– А-а, понятно! – сухо сказал Грачев.

– Вот и хорошо, что тебе понятно, – весело продолжал Косицин. – Съездите, посмотрите, какие они собираются решать задачи, подскажите что-нибудь, может быть, даже учения какие-нибудь проведете... Ну, хотя бы в теоретическом плане. Заодно кое-какое снаряжение им отвезете – в порядке гуманитарной помощи. Ну, там, спецодежда, техника кое-какая для связи...

– Тоже идея администрации?

– Вот именно! Власть у нас работает! Реагирует, как говорится, на нужды и чаяния.

– Что же она на наши нужды не больно-то реагирует? – спросил Грачев. – У самих проблемы, а чужому дяде спецодежду дарим...

– Узко мыслишь! – поднял палец Косицин. – В единстве наша сила! Кто это сказал? Ну, неважно, умный какой-то человек... Одним словом, поезжайте – можете всей группой, чтобы веселее было. Обратитесь прямо в приемную мэра – там вас направят куда нужно. А я вам «УАЗ» даю и лучшего водителя. Только когда сдадите груз, не забудьте приемо-передаточный акт подписать. Благотворительность благотворительностью, а материальные ценности учет любят. И не забудьте, дело не только в снаряжении – важен человеческий контакт. В Бельске товарищи делают первые шаги – нужно поддержать их. Все понятно?

Грачеву все было понятно, а Величко вообще не любил разбрасываться словами. В его лексиконе содержались преимущественно команды для собак и еще кое-какие междометия, которыми он выражал сильные эмоции, если таковые у него появлялись. Единственное слово, которое он произнес в кабинете Косицина, было «командировочные». И, как оказалось, попал в самую точку.

– С фондами сейчас туго, – озабоченно ответил Косицин. – Но вам беспокоиться не о чем. В Бельске вас встретят, как полагается. Проживание, кормежка – все за их счет. Да и сколько вы там пробудете – максимум два дня. Так что это не вопрос.

Вообще-то ни Грачеву, ни Величко так не казалось, но больше они спорить с начальником не стали. Косицина они знали со времен службы на Кавказе в составе войск МЧС. Он и тогда командовал ими. Потом судьба свела их и на гражданке. Иногда им казалось, что этот человек командует ими всю жизнь, и они к этому привыкли. Косицин ничем особенным не выделялся, кроме звучного фельдмаршальского имени, – звали его Михаилом Илларионовичем – внешность имел невзрачную, манеры занудные, но при всем при том на него можно было положиться, а, по мнению спасателей, это качество является в человеке главным.

Остальные три члена их группы против поездки не возражали. Весельчак Мачколян чувствовал себя всюду как дома и не любил расстраиваться по пустякам, а красавчик Максимов вообще отличался авантюрным складом характера и охотно пускался в любые предприятия, лишь бы не сидеть на месте. Перемена мест всегда предвещала новые приключения и новые знакомства, и в первую очередь это касалось прекрасного пола, до которого Максимов был большой охотник.

Последний же участник «экспедиции» вообще не задавался никогда вопросом «зачем и куда», а шел куда приказывали, безропотно, но с достоинством. Звали участника Графом, и был он немецкой овчаркой превосходной выучки и экстерьера. Правда, сегодня для него было тоже жарковато, поэтому Величко, его хозяин, позаботился о том, чтобы в салоне были

открыты все форточки, и к тому же захватил в дорогу приличный запас холодной воды и миску для Графа. Ни Мачколян, ни Максимов о воде не подумали и к середине пути почувствовали себя неуютно. Величко не обращал на их страдания никакого внимания, заявив, что человеческий организм, в отличие от собачьего, «и не такое может выдержать».

Максимов тихо злился, а неунывающий Мачколян развлекал себя тем, что изучал истрепанный путеводитель по городу Бельску тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года выпуска. Где он раскопал эту древность, было неизвестно, но читал он его с большим интересом. Некоторые выдержки он оглашал вслух, чтобы товарищи могли составить представление о том, куда они направляются.

Так они узнали, что город Бельск располагается в живописной котловине на берегу реки Белой, имеет более чем двухсотлетнюю историю, насчитывает около шестидесяти тысяч жителей и является культурным и промышленным центром.

– Особое значение имеет производство лакокрасочных материалов, – назидательно зачитал Мачколян. – Продукция местного завода известна во всех уголках нашей необъятной родины. Завод является, таким образом, градообразующим предприятием. Ну, кроме того, кожевенная промышленность, молокозавод, ликеро-водочный... И еще горожане уверенно идут дорогой строителей коммунизма, – добавил он похохатывая.

– Уже пришли, – мрачно заключил Величко.

– Наверное, там уже полный коммунизм, – поддержал его Максимов. – Денег нет, заводы стоят, как везде...

– Не стоят, дорогой! – радостно прогудел Мачколян. – До коммунизма, конечно, далеко, но заводы работают. Прессу нужно читать. Тамошние краски даже на экспорт идут.

– В страны третьего мира? – язвительно поинтересовался Максимов.

– Неважно, – махнул рукой Мачколян. – Главное, жизнь бьет ключом, верно, Граф?

Он добродушно посмотрел на пса, который неподвижно, как статуя, сидел у колен своего хозяина. Окрас у Графа был темно-серый, на спине и над глазами делавшийся совсем черным. В сочетании с парой желтых, далеко не добрых, глаз он производил угрожающее впечатление. Неуважительного обращения Граф не терпел, и с этим фактом считались все члены группы.

Сейчас ему было очень жарко. Грудь его тяжело и часто вздымалась, из раскрытой пасти высовывался длинный розовый язык. Однако глаза смотрели по-прежнему зорко и неуступчиво.

– Для чего ты его взял? – спросил Максимов. – Сам говоришь, организм у них нежный... А тащишь собаку неизвестно куда!

– Я лучше штаны дома оставляю, – заявил Величко, – чем Графа. И вообще, о чем речь? Мы, как-никак, на службе, а Граф – собака служебная. Логично?

– Ну, тебе виднее. Вообще я не против такой службы. Работенка сегодня не пыльная. Вот только жара достала.

– Да, ребята, настоящее пекло сегодня! – энергично закивал Мачколян. – Это мы еще в машине, нас ветерком обдувает. А снаружи все застыло, как в бане. Две недели такая погода, – того и гляди, какой-нибудь ураган случится или гроза жуткая.

– Ты накаркай еще! – сердито сказал Максимов.

– Так всегда бывает, – авторитетно возразил Мачколян. – И я тут ни при чем. Законы природы. Горячие атмосферные массы поднимаются вверх, а их место занимают более холодные. Быстро занимают, со скоростью поезда...

– Штормового предупреждения не было, – напомнил Величко.

– А ты их много помнишь? – возразил Максимов. – У нас ведь как? Метеорологи обязательно или проспят катаклизм, или, наоборот, на воду дуют.

Тем временем нудное путешествие медленно, но верно подходило к концу. Прямо по курсу заблестала гладь извилистой, не очень широкой реки, по берегам которой стояли поник-

шие ивы. За рекой был виден город. Очертания его окраинных кварталов таяли в горячем воздухе, отчего город казался призраком, миражом, возникшим в бескрайней пустыне.

– Мост здесь на честном слове держится, – неодобрительно покачал головой Пантюхин, когда они переехали на противоположный берег. – Я здесь тринадцать лет назад проезжал. Ничего не изменилось. Разве что в худшую сторону. Опоры, того и гляди, рухнут.

– И когда ты только успел все заметить? – проворчал Грачев. – Не глаз, а алмаз просто!

Он и сам видел, что автомобильный мост в неважном состоянии, но Пантюхин был таким человеком, с которым не хотелось соглашаться, даже если это противоречило здравому смыслу. Грачев ставил здравый смысл превыше всего на свете, но сегодня он с трудом сдерживал рвущееся наружу раздражение, – должно быть, жара была виновата.

Вскоре въехали в город. Он начался сразу с экспериментального микрорайона – штук пятнадцать девятиэтажек, возведенных на пустыре. Озеленить район не успели – лишь с десятков полуживых деревьев оживлял раскаленный пейзаж.

Затем вдруг пошли узкие улочки, одноэтажные кварталы с заборами и раскидистыми липами вдоль дороги. На тротуарах лежала густая тень, и жара не казалась здесь такой уж страшной.

– Старый город, – авторитетно сообщил Пантюхин. – Основное хозяйство по другую сторону находится. Здесь река изгиб делает, и весь Бельск вроде как на полуострове находится. Мы сейчас через автомобильный мост переехали, а там дальше – железнодорожный.

– Нам в центр нужно, – сказал Грачев. – В администрацию.

– Это не проблема. Проблема в том, что движок греется, Валентин Петрович! – многозначительно заявил Пантюхин. – Я сразу сказал, что гарантию на эту колымагу не даю.

– Ну, до администрации-то дотянешь? – невесело усмехнулся Грачев. – Большого от тебя никто и не требует.

Здание администрации располагалось в середине квартала, выходящего фасадами домов на не слишком широкую площадь. За площадью раскинулся тенистый парк. Там работал фонтан и горели яркими красками цветочные клумбы. Рядом было множество киосков, бойко торговавших прохладительными напитками.

Едва Пантюхин остановил машину, как вся группа высыпала наружу. Максимов тут же припустил к ближайшему киоску, на бегу пересчитывая деньги, и вернулся с двумя большими бутылками газированной воды. Первым делом он предложил выпить Грачеву и Мачколяну.

– А этому собачнику я и капли не дам, – мстительно заявил он. – Пусть хлебает с Графом из одной миски.

Ни Граф, ни Величко не удостоили его даже взглядом и удалились в тень.

– Извини, друг! – сказал Величко, надевая псу намордник. – Тут у нас все официально.

Действительно, прогуливающийся неподалеку потный, измученный жарой милиционер с большим любопытством приглядывался к странному десанту, высадившемуся почти у самого порога главного здания в городе. Он, видимо, был не прочь задать прибывшим несколько въедливых вопросов, но ему совсем не хотелось двигаться. Намордник, надетый на собаку, его успокоил, и он решил оставаться пока на месте.

Грачев от воды отказался, заявив:

– Я сразу в администрацию. Никуда не разбегайтесь. Нас должны ждать.

Он зашел в здание, а остальные занялись каждый своим делом. Пантюхин откинул крышку мотора и принялся с сокрушенным видом осматривать его дымящиеся внутренности. Мачколян одним махом выдул полбутылки воды и, погладив себя по выпирающему из-под клетчатой рубахи животу, удовлетворенно сказал, оглядывая площадь:

– Тепло!

– Даже горячо! – отозвался Максимов, но озабоченность, появившаяся в его голосе, не имела ничего общего с погодой, это Мачколян уловил сразу.

Он проследил за тем, куда направлен взгляд товарища, и увидел на противоположной стороне площади, у парка, молодую женщину в обтягивающих белых брючках и ярко-желтой кофточке навыпуск. Женщина раздраженно размахивала маленькой сумочкой на коротком ремешке и о чем-то горячо разговаривала с длинным худым субъектом лет сорока, несмотря на жару, одетым в просторный темно-серый костюм, болтавшийся на нем, как на вешалке. Галстука на субъекте, правда, не было, но лучше от этого он чувствовал себя ненамного – он тяжело дышал и то и дело вытирал пот с лица, отбрасывая в сторону мокрую прядь, прилипшую к бледному лбу. Выглядел он не только несчастным, но и сконфуженным. Женщина, похоже, крепко за что-то ему выговаривала.

– Не туда смотришь, дорогой! – весело сказал Мачколян Максиму. – Семейные разборки. Там тебе делать совсем нечего.

– Не скажи! – медленно и заинтересованно процедил Максимов, инстинктивно расправляя плечи и приглаживая волосы на голове. – Когда я вижу красивую женщину, мне всегда есть что делать. И с чего ты взял, что они – семья? Этот хмырь никак не годится в мужья такой женщине. Это видно невооруженным глазом.

– Эй, а кто годится? – негодуя произнес Мачколян. – Уж не на свою ли драгоценную особу ты намекаешь?

– А почему нет? – хладнокровно ответил Максимов. – Я молод, красив и крепко стою на ногах.

– Добавь еще, что ты десять раз уже женился, – сказал Мачколян.

– Настоящую любовь найти не так просто, – возразил Максимов. – Но сейчас я чувствую что-то особенное...

– Как и десять раз до этого, – заметил Мачколян.

– Что ты понимаешь? – презрительно сказал Максимов. – В тебе нет полета. Даже удивительно, что ты лицо кавказской национальности. Темперамента в тебе ни на грош.

– Просто у меня есть ответственность, – заявил Мачколян. – Семья – это самое главное. А у тебя ветер в голове, мой дорогой.

– Не знаю, что у меня в голове, но вот на душе у меня беспокойно. Мне кажется, что сейчас я могу упустить это самое главное, про что ты говоришь. Пожалуй, я пойду спрошу, не нужна ли этой милой девушке помощь, – будто во сне сказал Максимов и, не откладывая дела в долгий ящик, зашагал через площадь.

– Э, стой! – окликнул его Мачколян. – Имей совесть! Валентин не велел разбегаться!

– С вами разбежишься! – буркнул в ответ Максимов, продолжая движение в направлении странной парочки.

Едва он подошел к девушке и завязал разговор, как из дверей административного здания появился озабоченный Грачев и, посмотрев по сторонам, объявил:

– Все нормально! Нас ждут в доме по соседству. Объяснили, что нужно доехать до конца квартала, завернуть во двор, найти дверь с вывеской «Комитет по недвижимости» и подняться на второй этаж. Самохин сейчас там. Это тот, кого назначили руководителем новой структуры. Он нас ждет. А где Максимов?

Мачколян махнул рукой.

– Повело кота... – добродушно сказал он.

Грачев посмотрел, неодобрительно покачал головой и полез в машину.

– Ну-ка, крикни его! – сказал он.

– Да ты езжай, а мы пешочком тебя догоним, – сказал подошедший Величко. – Пока ты там знакомства завязываешь, мы тут как тут будем.

Грачев молча захлопнул дверцу и приказал Пантюхину ехать. Машина зафырчала и, обдав оставшихся ядовитым дымом, покатила в конец квартала. Мачколян замахал руками, призывая Максимова присоединиться.

– Пора, Макс! – крикнул он. – Телефончик запиши и кланяйся!

Неожиданно на его зов откликнулся не только Максимов. Мачколян показалось, что девушка даже прежде сорвалась с места и направилась в его сторону. Максимов, обольстительно улыбаясь, заспешил вслед за ней, а унылый тип в пиджаке, немного подумав, поплелся в арьергарде, поминутно утирая крупные капли пота, катящиеся по его лицу.

Девушка шагала с таким решительным видом, что Мачколян невольно улыбнулся. Она выглядела хрупкой и совсем юной, но отнюдь не беспомощной.

– Сейчас попросит унять нашего Андрюшу, – тихо сказал Величко. – Иначе пригрозит, что сдаст его в милицию. За сексуальные домогательства.

– Очень может быть, – согласился Мачколян. – Похоже, у нее даже доказательства имеются.

Он намекал на предмет, болтавшийся вокруг запястья девушки на тонком ремешке. Предмет оказался не сумочкой, а диктофоном.

– Предусмотрительная девушка! – сказал Мачколян. – Молодец. С нашим братом так и надо.

Но к их обоюдному удивлению, приблизившись, незнакомка заговорила совсем не о Максимове.

– Здравствуйте! Вы из Желтогорска, верно? Приехали насчет нашего МЧС, правильно? – как из пулемета выпалила она. – Ну и прекрасно! Вы нам очень нужны. Мы никуда не можем достучаться, а ситуация именно чрезвычайная...

– Стоп-стоп-стоп! – широко улыбаясь, перебил ее Мачколян. – Не так быстро, милая! А то у нас мозги не успевают переваривать. Мы еще твою красоту как следует не успели оценить, а ты нам уже про ситуацию толкуешь...

– Что вы бабники и трепачи, я уже поняла, – сказала девушка, презрительно махнув рукой в сторону Максимова. – Но речь идет о вещах серьезных. И я требую, чтобы вы меня выслушали.

– Да мы вас слушаем, – сказал Величко. – Ну и что за чрезвычайная ситуация? Нам показалось, что все здесь у вас спокойно.

– Показалось! – уничтожающе произнесла девушка. – Да наш главный эколог год уже бьется как рыба об лед. Общественность запугана. Свободную прессу зажимают. И все потому, что в городе творятся чудовищные безобразия! Вы знаете наш лакокрасочный завод?

– Начитаны, – ухмыльнулся Мачколян.

– Значит, знаете? – нетерпеливо махнула рукой девушка. – А знаете о том, что отходы производства безо всякой очистки сбрасываются в реку? А вы знаете, что новый корпус строится безо всякого соблюдения положенных норм, строительных, санитарных, любых... Что рабочие, которые заняты на строительстве, проживают в скотских условиях и занимаются черт знает чем? Знаете, что ядовитые и пожароопасные вещества хранятся на заводе как попало?

– Минуточку, уважаемая! – остановил ее Величко. – Ситуацию вы нарисовали действительно неприглядную. Вот только не пойму: при чем тут мы? У вас здесь есть начальство, суды, правоохранительные органы, экологи, наконец! Попробуйте сами разобраться со своими проблемами.

– Вы меня не слышите, что ли? – гневно сказала девушка. – Мы здесь не можем никуда достучаться.

– А вы, собственно, кто? – с интересом спросил Величко.

– Моя фамилия Лукьянова, – гневно заявила девушка. – Я корреспондент независимой газеты «Время». А это наш эколог Щепанов.

Бледный мужчина в пиджаке неловко поклонился, опасливо косясь на Графа, который зорко наблюдал за незнакомыми ему людьми.

– Мы в курсе, что должны были приехать люди из центра, – продолжила девушка. – Будет много речей, аплодисментов, будут напутствия, будете разрезать красную ленточку, мэр будет пожимать вам руку... Вам самим это интересно?

– Посмотрим, – сказал Величко. – Но, по-моему, вы должны это приветствовать. Новая служба будет вам очень кстати.

– Ну уж вам, наверное, известно, что дело не в количестве служб, а в отношении к делу! – запальчиво сказала девушка.

– Я думаю, что каждый прежде всего должен заниматься своим делом, – сухо возразил Величко. – В наши планы встреча с прессой не входит. У нас другие дела. Так что извините, нас ждут.

Он решительно повернулся и пошел прочь. Граф неслышно поднялся и деловито затрусил следом. Под жесткой шкурой перекачивались тугие мышцы. Рассерженная девушка с презрением посмотрела им обоим в спину. Мачколян развел руками.

– Делать нечего! – сказал он. – Саша прав. Нас ждут.

Максимов догнал его уже у самых ворот. Он запыхался, но был радостно возбужден.

– Она великолепна! – сказал он мечтательно. – Я всегда искал именно такую женщину. И кто бы мог подумать – ведь мы могли никогда не встретиться! Я считаю, это перст судьбы.

Мачколян скептически улыбнулся.

– А мне показалось, что она в тебе немножко разочарована, – заметил он.

Максимов протестующе махнул рукой.

– Это она в вас разочарована! – воскликнул он. – Мы-то с ней нашли общий язык, не сомневайся.

Глава 2

Вовчик был стройным и смазливым, как баба, поэтому в качестве приманки решили использовать его. Собственно, решение принимал Черный в одиночку, как и все прочие решения, но они не обсуждались. Тот, кому приходило в голову обсудить идею Черного, должен был заранее готовиться к большим неприятностям. Таковых на этот раз не нашлось. Даже Вовчик, которому от задумки Черного пришлось хуже всего, хотя и протестовал, но не слишком громко. Однако совсем промолчать он, конечно, не мог.

– Что я тебе – педераст, что ли? – с обидой сказал он. – Ничего другого нельзя было придумать?

Черный, посмеиваясь, объяснил:

– Придумать, может, и можно было, но это самое лучшее. Ты прикинь, кому сейчас на дороге тачку остановят? Только одинокой бабе с хорошей фигурой. У нас, сам знаешь, баб нет, поэтому мы эту бабу нарисуем. Наденешь паричок, сюда чего-нибудь подложишь... Юбку, так и быть, надевать не будешь – обойдемся брюками. Сейчас половина баб в брюках ходит. Морду побреешь, подкрасишь кое-где, и все будет в ажуре. Тормознешь на трассе тачку – и можешь сразу все снимать! А насчет того, педераст ты или не педераст, так у нас, по-моему, все знают, что ты натурал. А если кто-то сомневается, пусть выскажет – я ему сам все объясню.

Последнее замечание, наполненное скрытой угрозой, могло показаться излишним – все сидели с каменными лицами и рассуждать насчет ориентации Вовчика вроде бы и не собирались. Однако Черный для убедительности обвел всех тяжелым взглядом, а потом еще раз объяснил ближайшие планы и цели.

– Короче, для дела нам нужна тачка, – сказал он. – Быстрая и надежная, но такая, чтобы не слишком бросалась в глаза. Белый «Мерседес» нам не нужен. Но и барахло с вазовского завода тоже ни к чему. Никогда не знаешь, что там через минуту полетит в моторе. Короче, Вовчик, ты здесь должен смотреть в оба – чтобы тачка была хорошая, чтобы номера были, по возможности, не местные и чтобы в ней один человек сидел. Нам лишняя мокруха ни к чему. Во всем должна быть мера. Ловить тачку будем на трассе с утра пораньше. С утра люди доверчивые. Сделаем дело, машину отгоним сюда в сарайчик, и до вечера. После обеда на завод привезут зарплату, сосчитают и запрут в сейф. Раздача у них завтра. А вечером на дежурство заступает Зацепа. Он нас проведет в контору. Козырь займется сейфом... Помнишь, Козырь, сколько раз сапер ошибается? Ну вот то-то! Упаси тебя бог ошибиться.

– А точно в кассе будет три лимона? – недоверчиво спросил Фермер.

Он и в самом деле целых два года жизни убил на то, чтобы стать фермером, но прогорел начисто и с тех пор никому и ничему не верил.

– Может, и больше будет, – спокойно ответил ему Черный. – Сведения верные. Зацепа сам слышал.

Зацепа работал в службе безопасности лакокрасочного завода и знал многое. Мысль взять заводскую кассу ему первому пришла в голову. Сначала он обдумывал ее в одиночестве, а потом позвонил Черному. Они знали друг друга с молодых лет, и хотя их пути разошлись, связь между собой они периодически поддерживали. Зацепа попросил Черного приехать, и тот приехал без слов – знал, что просто так старый приятель гонять его не станет.

Идея ему понравилась. А больше всего нравилось то, что кругленькую сумму, которую предстояло украсть, будет охранять сам Зацепа. Это было очень удобно и обещало почти беспроблемный вариант. К тому же Зацепа с большим презрением отзывался о своих коллегах по охране, о своем начальстве и о местной милиции тоже.

– Тут все лохи, Черный! – убеждал он. – Они тут держат шишку, никто им и слова поперек сказать не может, все гладкие и сытые. Они даже в уме не держат, что их грабануть могут.

Эта служба охранная, в которой я состою, больше для понту. Да и деньги охранникам платят смешные.

– А ты, значит, решил сам добрать, что тебе причитается? – скупно улыбнулся на это Черный.

– А там не только мне хватит, – успокоил его Зацепа. – Четыре-пять лимонов точно в сейфе будет. А если еще в личных закромах директора порыться, так там вообще такие сюрпризы могут обнаружиться... Он ведь у нас привычку имеет каждый месяц в Париж мотаться. Слабость у него к Парижу... Представляешь, какие бабки для этого требуются?

– Не представляю, – ответил Черный. – Я невыездной. Но догадываюсь, что бабки приличные. В общем, считай, что ты меня уговорил. Берусь я за это дело.

Они обговорили самое основное, и Черный сразу же уехал. Но через неделю вернулся. С ним было еще пятеро. На заводе в Бельске строился новый корпус. Работяг набирали откуда попало, но платили бессовестно мало, и оттого текучка на стройке была огромная. Приятелей Черного взяли разнорабочими, даже не спросив документов. Поселились они в бараке неподалеку от завода. Таких деревянных барачков и покосившихся одноэтажных избушек вокруг завода было множество. Жить в них было сложно, зато до стройки – рукой подать. И еще здесь было полно брошенных сарайчиков и погребов. Спрятать можно было что угодно – хоть труп, хоть машину, хоть чемодан с деньгами. Правда, чемодан все равно бы высмотрели – народ, который работал на стройке, был совсем ушлый – но уж зато насчет болтовни можно было не опасаться. Здесь все знали, что язык существует для того, чтобы держать его за зубами.

Черный строго следил за тем, чтобы его подопечные выходили на работу. Они ворчали, но в конце концов подчинялись.

– Никто не заставляет вас ставить трудовые рекорды, – убеждал Черный. – Но валяться целыми днями в бараке – только внимание к себе привлекать. Вы обычные работяги, без претензий. Нужно, чтобы ваши рожи примелькались и не вызывали здесь удивления. Заодно приглядывайтесь и принимавайтесь. У нас тут все должно быть как на ладони.

Только в последний день Черный постановил, что на работу никто не выходит. Ничего особенного в этом не было. На стройке ежедневно недосчитывались десятка человек. Кто-то уходил в запой, кто-то попадал в милицию, кто-то вообще смазывал лыжи. Основную информацию о заводе они уже собрали. Знали, сколько человек выходит в ночную смену, сколько человек охраны, знали, где располагается бухгалтерия и кабинеты начальства. Оставалось раздобыть машину, на которой Черный планировал уехать с добычей.

Рано утром, едва только над бараками начало сереть небо, Черный поднял всех и вывел на пустырь. Вскоре туда подъехал Зацепа на своих стареньких «Жигулях». Туда набились, как сельди в бочку. Зацепа только головой покачал, но ничего не сказал, положившись на удачу.

Он вывез их за город – туда, где проходила основная автотрасса. Она проходила к востоку от города, отделенная от него неширокой глинистой котловиной и цепью лесопосадок. Возле одной из рощ Зацепа их высадил и тут же уехал. Они скрылись за деревьями, и Черный лично занялся маскарадным костюмом Вовчика.

Вовчик скрипел зубами, но терпел. Ему приладили фальшивую грудь, подложили поролон на бедра. Потом втиснули в женские брюки и в завершение натянули на голову роскошный парик. В женском обличье Вовчик смотрелся очень аппетитно.

– Центровая баба! – с восхищением прокомментировал Черный результаты своей работы. – На такую любой фраер клюнет, попомните мое слово! Только рожу такую мрачную не делай, а то подумают, что у тебя критические дни! – усмехнулся он. – Ты должен привлекать внимание, а не отпугивать клиентов.

Они подыскали удобное место вблизи дороги и, спрятавшись за кустами, стали ждать. Черный наскоро объяснил каждому, что тот должен делать.

– А если с тачкой ничего не выйдет? – мрачно спросил Козырь. – Больно рано приехали. И вообще, не сказать чтобы здесь наблюдалось оживленное движение.

– Не гони фуфлю! – резко сказал ему Черный. – Ты видел когда-нибудь дорогу, по которой никто не ездит? И часа не пройдет, как ключи будут у нас в кармане, без базара. Сопли только жевать не надо.

Несмотря на такое оптимистическое заявление, на дороге долгое время ничего не происходило. Уже из-за горизонта начало выкарабкиваться солнце – уже первые его лучи казались нестерпимо жаркими, – но подходящей машины так и не появлялось. Проезжали мимо бесполезные грузовики, покрытые брезентом, дальнометры с трубами, раздолбанный пустой автобус и даже милицейский «УАЗ» с выключенным маячком. Легковушек как на грех не было ни одной.

Потом наконец поехали и они. Проскочила какая-то важная навороченная «Волга», потом подряд три дистрофические «Оки» разной расцветки, потом «Москвич» с дребезжащим кузовом.

– Автомобильное кладбище какое-то! – недовольно проворчал Вовчик, которому становилось жарко в парике и в поролоне.

– Не баклань! – оборвал его Черный. – И паричок поправь! А то на шлюху похож, которую из кабака выкинули...

– На шлюху скорее тормознут! – булькающим смехом засмеялся Енот, круглый, с лоснящимися румяными щеками. – Честные девушки никого не интересуют, Черный!

– Шлюха тоже должна выглядеть прилично, – назидательно сказал Черный и вдруг вскинул голову. – Тихо! Тачка едет!

Все уставились через кусты на дорогу. Воздух над шоссе уже раскалился, и над ним плыло сизое марево. Силуэт приближающейся машины вынырнул из него, точно из водяного потока. Но по мере приближения очертания его делались все более четкими, и наконец все увидели, что это новенький внедорожник «Тойота». Сверкая хромом и лаком, он мчался прямо на них, вызывая чувство зависти и досады.

– Броская тачка! – сквозь зубы сказал Изюм. – Весь курмыш сбежится посмотреть. Пропускаем, Черный?

Черный озабоченно посмотрел на часы и толкнул Вовчика в спину.

– Ладно, пошел! – сурово сказал он. – Время поджимает. Скоро тут столпотворение начнется. Ждать больше нечего.

Вовчик выматерился и полез из кустов.

– Сумочку не забудь! – прикрикнул Черный.

В дамской сумочке, которую приготовили Вовчику, лежал внушительный кусок свинца. Он молча подхватил сумочку с земли и торопливо направился к шоссе.

– Легче шаг! – крикнул ему вслед Черный.

Действительно, в походке Вовчика было маловато женственности. Странное сейчас представлял он из себя зрелище – платиновая блондинка баскетбольного роста, в обтягивающих брючках, широко, по-мужски шагающая по кочкам, раздраженно размахивающая сумочкой. Однако никто из наблюдавших за ним и не подумал засмеяться. Все замерли.

Вовчик выскочил на обочину, когда до машины оставалось метров пятнадцать. Он поднял руку.

– Я бы хрен остановился, – задумчиво сказал Фермер.

– Ты бы не остановился, даже если бы на дороге сто долларов лежало, – ответил Черный. – Не поверил бы.

– Вовчик на сто долларов не смотрится, – мрачно заметил Изюм. – Хотя, конечно, каждому свое.

Водитель «Тойоты», похоже, питал слабость к женщинам высокого роста. Он остановил машину.

Черный с облегчением увидел, что пассажиров в машине нет. Это избавляло их от лишних проблем.

– Напряглись! – тихо сказал он своим спутникам.

Вовчик подскочил к машине и открыл боковую дверцу. Черный видел, как водитель, крепкий, плотный мужчина в белой рубашке, с улыбкой повернул к нему лицо. Он что-то спросил у Вовчика. Тот молча кивнул и поспешно рухнул на переднее сиденье. Водитель с некоторым удивлением покосился на него, но ничего не сказал и потянулся рукой к приборному щитку. Вовчик взмахнул сумочкой и ударил водителя в висок. Тот качнулся вбок, врезался головой в стекло и обмяк.

– Пошли! – прохрипел Черный и выскочил из-за кустов. Остальные, треща ветками, полезли за ним следом.

Неожиданно на дороге возникла небольшая колонна белых «Лад» с транзитными номерами. Одинаковые как две капли воды, новенькие и блестящие, они шли в южном направлении. Видимо, их перегоняли прямо с завода. Черный невольно остановился.

«Лады» промчались мимо стоящей на обочине машины, не сбавляя скорости. Кажется, никто из перегонщиков даже не обратил внимания на то, что происходит в салоне «Тойоты». Но еще не улеглась поднятая ими пыль, как Черный увидел, что их ожидает новая напасть. В машине объявился кто-то третий. Было видно, как, перегнувшись через спинку сиденья, он вцепился в горло Вовчика, а тот, неуклюже взмахивая рукой с зажатой в ней сумочкой, пытается ударить его по голове, но никак не может попасть. Вероятно, пассажир спал до сих пор на заднем сиденье, поэтому его не заметили сразу.

Черный молча побежал к машине. Остальные гурьбой рванули за ним. Черный на бегу выхватил из заднего кармана старый потертый «макаров». Кто-то тоже потянулся за пистолетом.

– Спрячьте пушки! – зло крикнул Черный. – Шума нам еще здесь не хватало!

Человек в машине заметил их и тут же оставил Вовчика в покое. Он вдруг толкнул дверцу и, словно снаряд из пушки, вылетел из машины на обочину. Он упал на землю, перевернулся, вскочил на ноги и неловко побежал к лесу. Это был мужчина лет сорока, на вид довольно сильный, но уже заплывший жирком и не слишком поворотливый. Черный махнул рукой.

– Енот, Козырь! Оприходуйте его! Только без лишнего шума!

Названные им, как гончие, бросились вслед за убегающим. Тот не оглядывался, бежал изо всех сил. Через несколько секунд он вломился в заросли и исчез за деревьями.

– В машину, быстро! – скомандовал Черный.

Изюм и Фермер подскочили к «Тойоте», выволокли оттуда вялое тяжелое тело в светлой рубашке и бросили в пыль. Лицо у водителя было белое как мел.

– В багажник, идиоты! – зарычал Черный. – Выставку устроили!

Водителя опять потащили. Пока открывали багажник и прятали туда тело, Черный запрыгнул на заднее сиденье и точно клещами сжал плечо возбужденного Вовчика.

– Живой? – спросил он.

Вовчик повернул к нему оскаленное лицо. Парик свалился с его головы во время драки, и теперь Вовчик совсем не был похож на женщину.

– Сука, падла... – с ненавистью пробормотал он и разразился длинной матерной тирадой. На его щеке темнели багровые следы чужих пальцев.

– Ладно, не горюй! – усмехнулся Черный. – Отделался легким испугом. Он ведь мог в тебя и шамальнуть ненароком.

Сзади хлопнула крышка багажника. Изюм, мрачный и сосредоточенный, проскользнул на место водителя, завел мотор.

– Куда? – коротко спросил он, оборачиваясь к Черному.

– Теперь куда? – рассудительно сказал тот. – Теперь давай в лесок! Вон туда, где не так густо. Нам теперь еще один груз брать придется.

Он озабоченно посмотрел назад – в ту сторону, куда убежали Енот с Козырем. Злой как черт Вовчик рвал на груди бабью кофту – убирал накладные прелести.

– Поехали! – рявкнул Черный.

Фермер сел в машину, хлопнул дверцей. «Тойота» прокатилась вдоль обочины, свернула к лесу и, запрыгав по кочкам, въехала в просвет между деревьями. Черный велел отъехать еще дальше, чтобы их нельзя было увидеть с дороги, и только потом разрешил остановиться.

– Ну-ка, сгоняй! – сказал он Фермеру. – Что-то у них тихо. Если упустили...

– Не должны, – деловито заметил Фермер. – Бегун из того хмыря никакой, а от Козыря не убежишь. Замочили они его – точно!

С этими словами он убежал в лес. Черный быстро осмотрел салон машины, нашел закрытый кейс. Когда взломали замки, всех ждало разочарование – вместо ожидаемых денег в кейсе лежали какие-то деловые бумаги и туалетные принадлежности.

– Из командировки возвращались, суки! – разочарованно заключил Черный. – Еще и бабки все пропили небось. Вы в карманах не догадались пошарить? – спросил он Изюма.

– Некогда было, – ответил тот. – Посмотреть?

– Спрашиваешь!

Изюм вылез, обошел машину, открыл багажник. Раздался короткий крик. Черный и Вовчик подхватились, выскочили наружу.

Мужик оказался крепкий. Даже после нокаута он нашел в себе силы подняться. Едва Изюм откинул крышку багажника, как лежавший там человек пнул его ногой в лицо и вывалился наружу. Вид его был страшен. С закаченными под лоб глазами он бросился на Черного. Но координация у него была нарушена, и Черный без труда отшвырнул его в сторону.

Уже поднявшийся Изюм тут же оказался рядом и с наслаждением ударил поверженного ногой в живот. Человек в белой рубашке захрипел, скрючился в три погибели и принялся скрести ногтями землю.

– Все, хорош! – сердито сказал Черный. – Кончать его надо. Цирк устроили.

Он достал пистолет, из другого кармана глушитель и быстро накрутил его на ствол. По верхушкам деревьев внезапно пролетел ветер, и в шелесте листьев выстрел получился почти неслышным. Тело лежащего на земле человека дернулось, пошло судорогой и вдруг вытянулось во весь рост. Между лопаток по белой рубашке расплзлось темно-красное пятно.

– Обшмонайте его! – с досадой сказал Черный, опуская пистолет. – И поищите в машине какую-нибудь тряпку. Завернуть его надо, чтобы тачку в крови не мазать.

Пока возились с убитым, из леса появились остальные. Фермер с довольным видом шел впереди. За ним злые и уставшие Енот с Козырем волокли за ноги еще один труп.

– Так! – сказал Черный. – Еще один жмурик. Грязно сработали.

– Куда же их – на волю отпускать, что ли? – огрызнулся Козырь. – Через час здесь ментов было бы как тараканов.

– Я не говорю, что отпускать, – спокойно ответил Черный. – Я говорю, что не того хотелось. Вот что бывает, когда наспех работаешь. Ладно, суйте их в багажник и поехали! Сейчас самая жара начнется, в поселке народу немного будет, проскочим незаметно.

Они спрятали трупы в багажник, выехали из леса и покатали по шоссе. Примерно через километр свернули в сторону города и посреди поросшей чертополохом пустоши нашли давно присмотренный полуосыпавшийся котлован. Дно его было выложено потрескавшимися бетонными плитами и засыпано самыми разнообразными отходами, которые периодически свозили сюда с завода, да и со всего города, видимо, тоже. Там валялись лысые покрышки, кучи шлака, ржавые железяки, банки, строительный мусор и даже сломанные лыжи. Трупы затащили под скособоченный остов старого «ПАЗа» и присыпали битым кирпичом. Ничего особенно цен-

ного у погибших не нашлось – вся добыча не превышала сотни долларов. Зато машина была в прекрасном состоянии, и бак был заправлен доверху. С таким запасом горючего можно было ехать, не останавливаясь, до соседней области.

В барачном поселке, как и ожидал Черный, никого не было. Только пара посиневших от суррогатов забулдыг слонялась по знойным кривым улочкам в тщетной надежде перехватить рубль взаймы.

Они загнали «Тойоту» в старый сарай с прохудившейся крышей.

– Козырь, Фермер и Изюм остаются здесь, – жестко сказал Черный. – Будете караулить машину. И вообще, готовьтесь к ночи. Взрывчатку проверьте. И чтобы без алкоголя, понятно?! Узнаю, что водку глушили, – сам лично удавлю каждого!

– А ты куда? – хмуро спросил Изюм.

– Мы с Енотом и Вовчиком в город смотаемся, – объяснил Черный. – Надо Зацепу пови-
дать. Уточнить кое-какие детали. Чтобы сюрпризов больше не было. Как говорят наши слав-
ные органы? Доверяй, но проверяй!

Вовчик, уже переодетый в нормальную одежду, не выказал никакого энтузиазма по поводу такой чести – сопровождать Черного по чужому городу, да еще после таких унижения и встряски, Вовчику совсем не хотелось. Между прочим, он именно надеялся в награду за пережитое хлопнуть сейчас водки и хорошенько отоспаться на продавленной кушетке, чтобы забыть все плохое. Но с Черным этот номер не пройдет. Он будет суетиться как заведенный до самого последнего момента, подгонять концы. Хотя, по мнению Вовчика, все и так было на мази – в охране свой человек, взрывчатка, чтобы вскрыть сейф, имеется, автомобиль для бегства наготове. Можно было дать ребятам чуть-чуть расслабиться перед такой важной работой. Легкий кайф делу не вредит, а совсем наоборот, был убежден Вовчик.

Должно быть, все это было написано у него на лице, потому что Черный внимательно посмотрел на него и внушительно сказал:

– Что рожу скривил? Должны мы узнать, привезли деньги или нет? Ну вот то-то! Да и тебе не вредно прогуляться. Когда вас много, у вас дурные мысли в голове заводятся. Особенно когда такая жара. А мысли сейчас должны только у меня быть, понятно?

Глава 3

– Итак, тут вы все видели, – деловито сказал Самохин. – Помещение, конечно, невелико и мало приспособленное для нормальной работы, и оборудования пока никакого, даже со связью проблемы. Но это все решаемо. Лиха беда начало, как говорится. Вот от вас кое-что получим – уже большое подспорье.

Руководитель новой для Бельска службы был из отставных военных – крепко сбитый, коренастый, с загорелой до красноты физиономией, он был из тех, про кого с уважением говорят «шкаф», имея в виду почти квадратную тяжеловесную фигуру. Никиту Игнатьевича Самохина издали действительно можно было принять за этот предмет мебели, если бы он не имел привычки постоянно двигаться и говорить, выразительно жестикулируя при этом мощными мускулистыми руками. При этом бицепсы его, выглядывающие из-под коротких рукавов рубашки, поневоле завораживали и притягивали взгляд. Чувствовалось, что этим бицепсам под силу многое.

Одним словом, Самохин был личностью симпатичной и, кажется, деятельной, однако на Грачева он произвел двойственное впечатление. Во-первых, Грачева удивило то обстоятельство, что из новоиспеченных спасателей на месте оказался один Самохин. Правда, он объяснил отсутствие своих подчиненных разными уважительными причинами и пообещал, что назавтра они все будут как штык. Это не очень утешило Грачева. Такие причины, как свадьба двоюродного брата в деревне и полив огорода, не показались ему слишком убедительными. Однако со своим уставом в чужой монастырь он соваться не собирался. Дисциплина в отряде – дело Самохина.

Однако дальше обнаружилось, что отсутствуют не только спасатели. Самохин с гордостью показал гостям пустую, плохо выметенную комнату и сообщил, что именно в ней будет располагаться штаб новой организации. Никакой мебели, кроме форточек, в комнате не было, и представить себе, как здесь кипит работа, было пока трудно.

Но окончательно Самохин добил всех, неожиданно спросив у Величко:

– А собачку вы, часом, не в подарок нам привезли?.. Я слышал, такие вот обученные собачки – они просто чудеса творят. В плане обнаружить кого или насчет утечки газа, например...

Величко посмотрел на него и с расстановкой сказал:

– Еще чего! Собачку в подарок! А не задумывались, что собака – живое существо? Никогда в голову не приходило?

Самохин покрутил тугой багровой шеей, нисколько не смутился и с облегчением ответил:

– Ну и слава богу! А то я уж подумал... Собачка, конечно, большое подспорье, да больно уж возни с ней много. У нас и специалистов таких не имеется. Опять же рацион для нее нужен, а по смете не предусмотрено.

Величко сердито отвернулся, а Граф, наоборот, уставился на Самохина в упор и долго пожирал его желтыми своими глазами, словно пытался честно понять: «И откуда только ты такой взялся, дядя?»

А Самохин между тем продолжал их удивлять. С видимым облегчением закончив обзор подведомственной структуры, он вдруг широко улыбнулся и, утирая платком пот на стриженном затылке, радостно сообщил, что для гостей у них на сегодня запланирован поход в ресторан.

– В плане сближения культур, – витиевато выразился он. – Напитки гарантированы. Жарковато, конечно, но у нас договоренность с лучшим заведением в городе. Предоставят отдельный кабинет – с кондиционером. Так что прошу, как говорится, к столу! Гостя положено сначала накормить, а делами займемся завтра. У нас на завтра запланирована встреча с заместителем городского главы. Будет что-то вроде торжественного собрания. Приглашены

бизнесмены. Ну, вы понимаете, без спонсоров сейчас никуда, а в бюджете какие деньги? Безопасность касается каждого, верно? Выступим, понимаешь, развернем перспективы...

– А красную ленточку разрезать будем? – поинтересовался Величко.

– Ленточку? – не понял Самохин. – А, это в смысле открытия? Нет, завтра не получится, – вздохнул он. – Сами видите, какой тут кавардак. На ленточку мы вас примерно через месяц пригласим, ладно?..

Грачев внимательно посмотрел на Величко – что-то в тоне товарища насторожило его.

– Тут нам одна девушка сейчас встретилась, – пояснил за Величко Мачколян. – Симпатичная девушка, между прочим. И, кстати, она нас второй день ждет. Она очень ответственная. Корреспондентом работает.

– Вы это про Лукьянову говорите? – подозрительно произнес Самохин и махнул рукой. – Так и знал, что опять она начнет баламутить! Вы на нее внимания не обращайтесь – такие, как она, за жареными фактами гоняются. У них какая цель, думаете? Деньги! Они же писаки все купленные!

– Кто же тут у вас писак покупает, интересно? – спросил Грачев. – Что-то не похоже, чтобы у вас тут деньги рекой лились.

– Поверьте моему слову! – с жаром сказал Самохин. – Из-за этой продажной братии у нас все беды!

– Ну, это ясно, – кивнул Грачев и опять обратился к Величко и Мачколян: – Так что же девушка?

– Она говорит, что тут в любой момент может случиться большая авария, – сдержанно ответил Величко. – С ней еще местный эколог был. Я сказал, что мы эти дела рассматривать не уполномочены. Но вообще, Никита Игнатьевич, вам бы следовало к их словам прислушаться. Все-таки в работе главное – профилактика.

– Ликвидировать условия, провоцирующие внештатную ситуацию, порой гораздо проще и дешевле, чем расхлебывать последствия, – подтвердил Грачев. – Ну да полистайте руководства по нашей службе – там все написано. Если думаете добиться результатов, то подумайте о профилактике!

– Я подумаю! – сердито сказал Самохин. – Только я хочу вам сразу объяснить... Вот этот эколог – Щепанов, – так он, между нами говоря, просто алкаш. Знаете, как он устроился? Ходит по предприятиям и на всех акты пишет – о неблагоприятной экологической обстановке. Ну, кому-то это по барабану, а кое-кто, чтобы лишних неприятностей не иметь, просто угощает этого Щепанова – стол, там, беленькая...

– Вроде как нас сейчас? – усмехнулся Величко.

– Ну-у, как можно сравнивать! – огорчился Самохин. – Честное слово, даже обидно слушать! Мы от души...

– Щепанова тоже, я думаю, от души угощают, – сказал Грачев. – Только вот что непонятно. Раз угощают, значит, нарушения имеются, так ведь?

– А у кого их нет? – проворчал Самохин. – Не ошибается тот, кто ничего не делает. А когда люди работают, всегда что-то остается неучтенным. Нужно вместе работать, исправлять ошибки, а так что ж... Но об этом мы можем и за столом поговорить, товарищи!

Мачколян довольно потер руки, но Грачев переглянулся с Величко и неожиданно сказал:

– А все же, какие у вас тут самые болевые точки, Никита Игнатьич? В городе имеется производство, источники повышенной опасности. Вы обязаны знать их как свои пять пальцев, если хотите, чтобы ваша служба действовала эффективно.

– Корреспондент особенно упирала на безобразия, которые творятся на лакокрасочном, – негромко сказал Величко. – Что-то там с взрывоопасными веществами не то, и строительство ведется не по правилам.

– Да что она понимает! – рассердился Самохин. – Завод у нас – градообразующее предприятие. Хозяин, Гладышев Игорь Владимирович, – уважаемый человек и опытный производственник. Очень ответственный. Ошибки, конечно, есть...

– Да, вашу теорию мы уже слышали, – перебил его Грачев. – Однако, знаете что, а давайте прямо сейчас съездим на завод и посмотрим, что там и как. Может, посоветуем что, подметим что-нибудь свежим глазом. Зря мы, что ли, приехали?

Самохин развел руками:

– Ну, товарищи! А как же обед? И потом, вы – почетные гости. Для чего же завод? С этими делами мы сами разберемся. Главное, чтобы вы задали основное направление.

– А вот мы и задаем, – невозмутимо пояснил Грачев. – Самому нужно во все вникать и быть наготове двадцать четыре часа в сутки – вот и все направление. А обед никуда не денется. В такую жару вредно много есть. Я не говорю уже о прочем... Поехали, Никита Игнатьевич! У нас машина – зверь...

Самохин сделал разочарованное лицо, но больше спорить с гостями не стал.

– Как пожелаете, – сказал он. – Только могут возникнуть проблемы. Договоренности у нас с Гладышевым нет, а у него с посещениями строго. Посторонних могут не пустить.

Грачев подумал, что, по сути дела, они в этом городе нужны как временный и не очень убедительный предлог, чтобы под марку борьбы с чрезвычайными ситуациями вытрясти из местных воротил немного денег. Если затея не окупится, про них тотчас забудут. Разве что попросят привезти еще немного снаряжения. Неприятные предчувствия, которые охватили его еще в самом начале поездки, оправдывались на сто процентов. Польза от их визита была сомнительная, для них самих же это было просто потерянное время. Одно из тех мероприятий, смысл которого никому, кроме начальства, не понятен. Грачеву совершенно не улыбалось рассиживаться по ресторанам и выслушивать сомнительные комплименты, в которых ни он, ни его товарищи не нуждались. Оставлять свою команду голодной он не собирался, но проехаться по городу все же решил. Хотя бы из чувства самоуважения, чтобы не чувствовать себя полной марионеткой.

Вышли на площадь. Пантюхин уже не копался в моторе. Распаренный и злой, он сидел в кабине с открытыми дверцами и слушал прогноз погоды по радио. Диктор сообщал о невиданной жаре, воцарившейся в средней полосе, и о пронесшихся кое-где ураганах, проливных дождях и населенных пунктах, оставшихся без воды и электричества.

– А я тебе про что говорил, Валентин Петрович? – со злорадным торжеством объявил Пантюхин, тыча пальцем в подсвеченную шкалу магнитолы. – По такой жаре ничего хорошего ждать не приходится!

– Ну, плохого ждать – только бога гневить, – пробормотал Самохин, неуверенно поглядывая на небо, точно ожидая прямо сейчас увидеть там какой-то предостерегающий знак. – У нас все спокойно – и ладно.

Грачев заглянул в машину – коробки, которые они привезли, еще лежали в салоне. Самохин так их заговорил, что Грачев совсем забыл про разгрузку. На него тоже действовала жара. Мысли в голове были тяжелые и неповоротливые. И, по правде говоря, хотелось есть.

– Где, черт возьми, Максимов? – раздраженно спросил Грачев, только сейчас сообразив, что одного у них не хватает. – Как только нужно что-нибудь таскать, он исчезает! Только что ведь тут был!

– Так я тебе, Грач, говорю, – доверительно шепнул ему Мачколян. – Девушка-корреспондент... Красивая она. Сам засмотрелся, честное слово! А ты же Макса знаешь – у него сердце отзывчивое.

– Знаю я, что у него отзывчивое! – сердито возразил Грачев. – Только я не понял твоих объяснений. Девушка красивая, а Максимов-то где? Неужели уже в загс побежали?

– Наверное, где-то поблизости, – сказал Мачколян. – Он ведь сначала к нам присоединился, а потом опять незаметно исчез – заскучал, наверное. Решил провести время повеселее. Сидит небось сейчас в парке, мороженым девушку угощает.

– Я ему покажу веселье! – пообещал Грачев. – Сачок!

– Да вы не переживайте! – вмешался Самохин. – Разгрузим в момент! Своя ноша, как говорится, не тянет, ха-ха... Тут немного – я сам одной левой унесу. А Лукьянова эта в самом деле внешне очень даже ничего. Вашего товарища понять можно. Только шансов у него, я думаю, ноль. Ведь у Лукьяновой жених есть.

– Ну хорошо, хоть в этом повезло, – иронически сказал Грачев. – Хотя не уверен, что нашему Максусу даже жених будет помехой.

Все были немного смущены неожиданным поворотом разговора и поспешили заняться разгрузкой. Времени заняло это немного, но когда закончили и поехали смотреть завод, вдруг выяснилось, что одну небольшую коробку в машине все-таки забыли. Грачев проверил – в коробке оказались портативные рации и аккумуляторы к ним.

– Ну, потом заберу! – благодушно заявил Самохин, который уже свыкся с мыслью, что придется тащиться на край города. – Все равно нам с вами еще акт о приемке-передаче писать – тогда и заберу.

Как он и предполагал, на завод их не пустили, причем охрана у входа сослалась именно на повышенную опасность производственного процесса.

– Будет договоренность с дирекцией – милости просим, – сказали им. – А так вы для нас, извините, посторонние. К сожалению, директора сегодня нет и не будет. Вот завтра у нас зарплата, и все будут на месте.

У Грачева после такого заявления окончательно испортилось настроение. Хотя солнце уже давно перевалило через самую высокую точку, жара сделалась еще гуще. Даже дышать, глотать этот перекаленный, наполненный заводскими испарениями воздух было трудно. Присутствие их группы в Бельске показалось в этот момент Грачеву чудовищной бессмыслицей, каким-то дурацким фарсом. Он был готов хоть сию же минуту дать команду отправляться обратно. Мысль о разрезании красной ленточки его не прельщала. Он даже про ресторан забыл.

Величко угадал его мысли и примирительно заметил:

– Тяжело, как обычно, в учении! Почему бы не рассматривать эту бодягу именно таким образом? Будь проще, Грач! Каждый живет как может. В конце концов, наш новый коллега прав – мастерство придет с опытом.

– А сюда мы завтра обязательно наведаемся, – подхватил Самохин. – Во-первых, Гладышев на собрание тоже приглашен и обещал быть, а во-вторых, завтра вы, так сказать, под патронажем самого высокого начальства будете, так что везде зеленый свет!..

Грачев махнул рукой и молча пошел к машине. «Нервишки шалят, – подумал он. – В самом деле, нужно держать себя в руках. Никто в нашей неразберихе не виноват. Просто все привыкли так жить. Пока гром не грянет...»

Поехали обратно. Самохин специально предложил водителю немного изменить маршрут и, когда они проезжали мимо наполненного деревянными строениями овражка, попросил остановиться. Овражек, неглубокий, но длинный, был застроен, видимо, еще в позапрошлом веке. Во всяком случае, вид этих рассыпающихся, лепящихся друг к другу как соты домишек наводил именно на такие мысли.

Прямо над оврагом возвышалась строительная площадка – строили новый заводской корпус. Самохин ткнул пальцем.

– Вот наше гетто, – сказал он. – То самое, о котором так трогательно заботится гражданка Лукьянова. Согласен, живут тут по-свински. А что делать? У города нет возможности дать всем приличное жилье. А строить-то надо! Диалектика!

Спасатели некоторое время молча рассматривали деревянный муравейник, выстроенный человеческими руками, но менее всего напоминающий сейчас человеческое жилье, а потом Грачев сказал:

– С профилактической точки зрения это полная труба. Любое возгорание, и тут такое начнется!

– А рядом завод, на котором горючие материалы, – мрачно добавил Величко.

– А учитывая, какой контингент тут проживает, то возгорание очень даже возможно, – прибавил Мачколян.

– Бог хранит, – возразил им Самохин.

– Значит, завтра у нас встреча с руководством города? – задумчиво протянул Грачев. – Ну и отлично. В порядке доброго совета предложим руководству заняться решением этого вопроса. Иначе однажды не миновать вам больших приключений.

– А стоит ли, Грач? – скептически заметил Величко. – Сказано, не мечите бисер перед свиньями. Кто мы тут? Мы даже не проверочная комиссия. Так, посланцы доброй воли... Так что давай выполним до конца программу и отвалим. Каждый должен действовать на своем месте.

– Товарищ верно говорит, – с энтузиазмом воскликнул Самохин. – Прежде всего мы вам благодарны за искреннюю заинтересованность, за теплые слова, за беспокойство. Но ворочать завалы мы будем сами, не сомневайтесь. А сейчас у нас, можно сказать, праздник, и потому все-таки настаиваю, чтобы мы немедленно отправились в ресторан.

– Да, надо бы позвать, Валентин Петрович! – подал голос Пантюхин. – И машину zapравить надо. И душ бы хорошо было принять...

– Ладно, поехали в ресторан! – хмуро сказал Грачев.

Пантюхин обрадованно дернул рычаг скоростей, тронулся с места.

– Надеюсь, там, куда мы едем, собачку накормить получится? – строго спросил Величко.

– Сделаем все в лучшем виде! – заверил его Самохин. – Хозяин ресторана – мой хороший друг. Хоть отдельный кабинет выделим вашей собачке...

Они проехали вдоль оврага, свернули к жилым кварталам и оказались на перекрестке двух улиц. На светофоре горел красный. В глаза им бросилась вывеска со странным названием «Не томись!». Под вывеской кучковались какие-то подозрительные фигуры.

– Тоже ресторан! – хохотнул Самохин. – Ну, естественно, на известную публику ориентирован. Лично я не посоветовал бы появляться здесь вечером. Да и днем... Сюда, скажу вам по секрету, даже милиция остерегается заглядывать, ха-ха...

Загорелся желтый, и «УАЗ» нетерпеливо дернулся. И тут Величко удивленно воскликнул:

– Стой! Стой, Пантюхин! Если тут такое нехорошее место, то какого черта тут наш Макс делает, а?

Все разом прилипли к окнам и действительно увидели на противоположной стороне улицы Максимова, который явно на повышенных тонах разговаривал с тремя типами крайне жлобского вида. Собственно, беседа уже закончилась, и теперь наступало ее естественное продолжение, причем даже невооруженным глазом было видно, что силы абсолютно неравны. Троица, с которой спорил Макс, состояла из тертых мужиков, от которых стоило бы держаться подальше. А положение Макса осложнялось еще и тем, что в обе его руки поочередно вцеплялась бледная девушка в брючках. Делала она это из лучших побуждений, но мешала Максиму ужасно.

– Не знаю, что тут делает Макс, – негромко сказал Грачев, – но вот что делают с Максом, это очевидно. Нашего Макса бьют. Выходим, ребята!

– Выходите скорее! – выпучил глаза Пантюхин. – Здесь стоять нельзя!

Но уговаривать уже никого не надо было. Спасатели высыпали из машины и бросились к ресторану. Самохин проявил завидную солидарность и рванул на подмогу едва ли не первым. Величко не стал мудрить, а сразу пустил вперед Графа, шепнув ему что-то в длинное острое ухо.

На бегу они успели рассмотреть своих противников. Один высокий и худощавый, с довольно красивым лицом, которое, однако, было сейчас искажено злобой, второй невысокий и круглый, с лоснящимися щеками, из тех, кого называют «качок», и третий – седоватый, с хищными чертами лица, крепкий и резкий в движениях. Именно он прямо на глазах у спасателей дважды врезал Максу по челюсти, отбросив его к стене дома.

Было видно, что Макс «поплыл», но на ногах удержался. Он пытался встать в стойку и закрыться, но ему мешала девушка, которая упорно лезла ему под ноги, видимо, вообразив, что не родился еще на свет такой нахал, который посмел бы ударить женщину.

Ее действительно не ударили. Долговязый красавчик просто схватил ее за волосы и что есть силы отшвырнул в сторону. Девушка вскрикнула и упала на асфальт, больно ударившись коленом. Кровь ударила Максу в голову, он рванулся вперед и тут же получил еще один хлесткий удар. Но в этот момент Граф, пролетев над мостовой, как серая молния, грудью врезался в длинного и сбил его с ног. Парень, кажется, даже не понял, что произошло. Он рухнул на тротуар, перекувыркнулся через голову и встал на четвереньки, ошеломленно озираясь по сторонам.

А Граф уже занялся седым. Намордник не давал ему развернуться во всей красе, но и в таком положении Граф был великолепен. Он издал такой рык и с таким видом пошел на противника, что седой не выдержал и стал отступать, хватаясь за задний карман.

Величко слишком хорошо знал этот жест. Люди с таким лицом не за носовым платком в карман лезут. Теперь уже Графу угрожала опасность, а этого Величко допустить никак не мог.

– Граф, к ноге! – крикнул он и, подскочив ближе, оказался лицом к лицу с седым.

Пес подчинился, хотя на его мрачной морде было написано явное неудовольствие – он был намерен разобраться с возмутителем спокойствия самостоятельно. Величко краем глаза видел, как Самохин с раскрасневшимся от возбуждения лицом подлетел к невысокому круглощечному «качку» и безо всяких сомнений двинул его увесистым кулаком в ухо. А рядом уже засучивал рукава Мачколян. Грачев озабоченно склонился над девушкой, которая лежала на тротуаре, и помог ей подняться. Толпа сомнительных личностей у входа в ресторан засуетилась и пришла в волнение, но было похоже, что драка их интересует только в качестве зрелища. Это успокоило Величко.

– Руки! – грозно крикнул он седому. – Не доводи до греха, мужик!

Тот продолжал медленно отступать назад, все еще держа руку на заднем кармане. В глазах его еще горел безумный огонек, как у дикого зверя, приготовившегося перервать глотку своей добыче. Но постепенно он приходил в себя и начинал понимать, что ситуация складывается отнюдь не в его пользу и поживиться больше ничем не удастся.

– Спокойно, спокойно, начальник! – сквозь зубы бормотал он. – Все нормально. Какие проблемы?

Собственно говоря, проблем уже не было. Самохин с Мачколяном в несколько ударов так обработали своего коротышку, что он уже едва держался на ногах и, цепляясь за стену, тоже пятился как рак, оставляя поле боя победителям. Третий их приятель, красавчик со злой физиономией, успел сменить позу на более приличную, но тоже в бой не рвался. На Графа он смотрел почти со священным страхом.

Грачев присоединился к товарищам, и они вчетвером грудью пошли на седого. Но у того уже кончился запал. На лице его вдруг появилось выражение досады. Он опустил руки и совсем иным тоном сказал:

– Ну, ладно, мужики, погорячились, и будет! Ну, бывает, схлестнутся ребята из-за бабы. Дело молодое, сами знаете. Извиняйте, если что, а мы свои претензии снимаем.

– Претензии он снимает! – гаркнул злой как черт Самохин, размахивая огромными кулаками. – Я вот сейчас голову тебе сниму и в зад засуну! Город мой перед гостями позорить будешь! На лоскуты порву, падла!

– Тише-тише, дядя! – озабоченно проговорил седой, преодолевая желание опять лезть в карман. – Говорю же – приносим свои извинения. Чего тебе еще нужно?

Но Самохину нужно было только одно – он, кажется, и в самом деле намеревался привести в действие свою угрозу. Величко едва удержал его.

– Спокойно, Никита Игнатьевич! – сказал он, прихватывая Самохина за потный твердокаменный локоть. – Не будем перебарщивать. Разобрались – и ладно. Нам только поножовщины тут не хватало.

Бряд ли его слова возымели бы действие, но на подмогу ему пришел Мачколян, единственный, кто мог соперничать с Никитой Игнатьевичем силой. Он дружески, но весьма крепко приобнял Самохина за плечи и нежно пропел ему в ухо:

– Проехали, дорогой! Не будем портить аппетит! Очень кушать хочется, только не в этом ресторане.

Самохин, раздувая ноздри, попытался вырваться, но в конце концов сдался. Он позволил себя увести, но на ходу еще раз обернулся и погрозил седому чугунным кулаком.

– Ты мне еще попадешься, уркаган! Я с тебя с живого шкуру спущу! Ты у меня...

Седой не спорил. Кажется, его устраивал исход противостояния, хотя и нельзя было сказать, что он выглядел очень довольным. Наверное, он с удовольствием завязал бы с Самохиным дискуссию насчет снятия шкур, но какие-то обстоятельства ему мешали. Чувствовалось, что он сдерживает себя изо всех сил. Но Величко с огромным облегчением отметил, что этот странный человек больше не хватается за задний карман.

Побитый Макс выглядел не слишком сконфуженным. Он уже изо всех сил утешал напуганную девушку. Ему даже удалось слегка приобнять ее, и она не протестовала.

«Вот хват! – с веселой досадой подумал про себя Грачев. – Ни одной юбки не пропустит! Он даже когда в ад попадет, и то, наверное, задаст там жару».

– Спасибо, ребята! – сказал Максимов, когда спасатели окружили его.

– Кушай на здоровье! – откликнулся Мачколян.

– Садитесь в машину! – строго сказал девушке Грачев. – Мы довезем вас, куда нужно. А то в компании этого ухаля вам все ноги переломают.

Глава 4

Черный пинком открыл скрипучую дверь и вошел в комнату, где на кособоких, продавленных койках валялась его «гвардия». Электричества в бараке не было, поэтому в углу коптила керосиновая лампа. В ее тусклом колеблющемся свете лица казались особенно уродливыми и мрачными. При появлении босса все подняли головы и вопросительно уставились на Черного.

– Что, пора? – заискивающе спросил Енот.

Он мучился сознанием, что в драке ему досталось больше всех и его круглая физиономия еще более раздалась от полученных синяков. При случае Енот любил похвалиться своим умением драться, но теперь после такого конфуза ему хотелось, чтобы все поскорее забыли о стычке возле ресторана.

– Нет, не пора, – ровным голосом сказал Черный, глядя на циферблат наручных часов. – Я же сказал, ближе к полуночи пойдем. К этому времени охрана подкемаривать начнет, меньше вони будет, если чего. Так что полчаса у вас еще есть. Только...

Его слова прервал сильный удар ветра. Хлипкая крыша барака словно треснула пополам. Все невольно поежились.

– Во задувает! – уважительно сказал Фермер. – И откуда что взялось? С утра тишь была.

– В том-то и дело, что тишь, – озабоченно ответил Черный. – По такой жаре всегда жди непогоды. Того и гляди, ураган начнется. Нам, конечно, по хрену, нам даже лучше, но все-таки хотелось бы отсюда свалить посуху.

– Думаешь, гроза будет? – спросил Козырь. – А по-моему, тоже неплохо. В плохую погоду на дорогах пусто. И гаишники по домам сидят.

– Так-то оно так, – согласился Черный, с сомнением прислушиваясь к завыванию ветра над крышей.

Ему казалось, что с каждым порывом ветер набирает все большую силу. Он был не маленький мальчик, чтобы бояться грома небесного, но на душе все равно было неважно. Стихия есть стихия, она не разбирает.

– Тачка-то в порядке? – недоверчиво спросил Фермер.

– Тачка – высший класс, – уверенно сказал Черный. – Изюм сейчас последний марафет наводит. Так что все у нас в ажуре, кроме Вовчика с Енотом.

Енот, лежавший на самой дальней койке, потрогал распухшее лицо и сказал:

– Я в порядке, Черный!

– Ты, может, и в порядке, а вот рожа у тебя, как у покойника. Тебя только увидят – сразу тревогу поднимут. Будешь сидеть с Изюмом в машине, понял?

– Как скажешь, – с облегчением ответил Енот. Хоть какая-то польза от разбитой морды.

Про Вовчика Черный больше ничего не сказал, но тот тревожил его сейчас больше всего. С самого утра Вовчик занимался не тем, чем хотелось, и все у него шло не то чтобы наперекосяк, но не гладко. Сначала в женские тряпки пришлось влезть, потом чуть не придушили, потом, когда Черный решил подбодрить его и позвал в ресторан, чтобы пропустить граммов сто пятьдесят на брата, Вовчику пришлось в голову лапать какую-то постороннюю девчонку. Компенсацию себе сделал за утреннее унижение. А девка была с фраером, который сразу полез в драку. Конечно, они бы этого храбреца по мостовой размазали, но тут как на грех подъехали его кореша, да еще с собакой. Вспомнить и смешно, и противно. Пришлось давать отбой, хотя очень не хотелось. Но рисковать было глупо. На ментов те мужики похожи не были, но что-то опасное за ними угадывалось. А вообще Черный бы с большим удовольствием всадил пулю в наглуую харю того мужика с собакой. Но иногда приходится отказывать себе в удовольствии ради дела. Когда это понимаешь, то все встает на свои места. А Вовчик глуп. Завелся теперь

надолго, смотрит волком, только и ждет, на ком бы сорвать злобу. В таком настроении не кассу брать, а на разборку идти.

Черный решил, что поговорит с Вовчиком один на один, перед самым выходом, это должно будет подействовать.

– Ладно, повторять не будем, – сказал Черный. – Каждый знает, что ему делать. Главное, все делать, как я сказал. Если облажаетесь – пеняйте на себя.

Он повернулся и вышел в коридор. Ветер свистел во все щели, грозя разнести халупу в щепки. Черный покачал головой и вышел из барака.

Контраст со знойным полднем был разительный. Знойный зеленый город исчез. Вокруг была тьма, наполненная воем ветра и раскатами далекого грома. В воздухе неслась колючая пыль, царапала лицо. Раза два на лоб Черному упали крупные дождевые капли. Городских огней он не видел, но над головой его раз за разом вспыхивали зарницы, и было видно, что небо превратилось в черное кипящее варево. Черному неожиданно стало весело.

«Самая погодка для вора! – подумал он. – Погуляем сегодня!»

Он зашел за барак и направился к сарайчику, в котором они прятали машину. В сарае тоже не было освещения, но зато рядом стоял столб, с которого местные умельцы воровали электричество. Изюм приспособил переноску и никаких неудобств не испытывал.

Черный прошел мимо соседнего барака, из которого доносилась пьяная перебранка, перешел кривую улицу и вошел в сарай. Изюм сидел напротив машины на деревянном ящике и курил, глубоко затягиваясь. Над головой его стояло облако сизого дыма и яростно сверкала двухсотваттная лампочка. Он медленно повернул голову в сторону вошедшего и сказал:

– Дует?

– Не то слово, – кивнул Черный. – Погода как по заказу. Если дождь пойдет, ты здесь не завязнешь?

– Куда там! Машина – зверь, – снисходительно пояснил Изюм. – По пашне ездить можно.

– Ну и хорошо. Значит, десять минут первого подъезжаешь к заводу. Не к главному входу, а к той дырке, которая на бараки смотрит. Огни тушишь и ждешь. Не вздумай уехать! Нас жди по-любому. С тобой Енот будет, так что если что – отобьетесь.

– Да все нормально будет, – рассудительно заметил Изюм. – Вроде я тебя не подводил ни разу. С чего ты вдрут задергался?

– День сегодня какой-то суматошный, – объяснил Черный. – Каждый норовит нам по морде заехать. Ну ничего, сейчас мы за все отыграемся! Пошел я пацанов поднимать. Пора. Хорошо бы до дождя все провернуть. Если удастся, тогда мы вообще короли!

«Сглазил, зараза! – подумал Черный, пробираясь назад в барак. – Ничего нельзя загадывать. Всегда судьба тебе подянку устроит». Пошел дождь. И это не было похоже на обычный летний дождик, бурный, но скоротечный. С неудовольствием Черный отметил, что с неба с каждой минутой хлещет все сильнее, точно там наверху открутили все краны.

Мокрый, он ворвался в барак и встретился с настороженными взглядами четырех пар глаз.

– Эй, Черный, запахло под таким ливнем бегать! – подал голос Фермер. – Давай в тачку грузиться!

Эта мысль и самому Черному приходила в голову. Она была удобная, но врожденная предусмотрительность все же взяла в нем верх. Ему подумалось, что какой бы ни был внедорожник, но по раскисшей колее груженный может из оврага и не выбраться. Они могут потерять больше времени, если будут возиться с застрявшей машиной. Да и внимания привлекут больше.

– Не растаешь! – сказал он. – Пешком надежнее. Поднимайтесь все! Выходим.

Ни на кого не глядя, он вытянул из-под своей кровати большую сумку и принялся в ней копаться. Достал оттуда и рассовал по карманам старой куртки шесть гранат «РГД», несколько запасных обойм к пистолету и поднялся.

– Енот, соберешь здесь все нужное барахло – стаскаешь в багажник, – распорядился он. – Раньше надо было, до дождя, да теперь что уж базарить... Короче, наведешь здесь марафет, чтобы ментам не за что было цепляться. А там подъезжайте к заводу – Изюм знает, что нужно делать. Остальные за мной! И не ныть по дороге! Если кто вякнет, что ему мокро или холодно, сразу язык вырву!

Он первым вышел из барака. То, что творилось на улице, смутило его самого. В воздухе стоял сплошной рев. Потoki мутной воды падали с неба безостановочно – нечего было и думать о том, чтобы остаться сухим. За пеленой дождя трудно было разобрать даже очертания бараков поблизости. «Из такой каши машина по склону может не выбраться, – мелькнула тревожная мысль. – Ради чего тогда грохнули двоих? Всего предусмотреть, конечно, никогда не удастся, но было бы все-таки обидно, что грех зря на душу взяли. Да и тачка хорошая, надежная. На ней далеко можно было уехать. А сейчас придется хватать какую попало, и еще неизвестно, куда эта тачка вывезет».

Свои смутные мысли он никому докладывать не стал, а просто, дождавшись, пока все выберутся из барака, решительно махнул рукой и зашагал по стремительно растекающимся лужам в конец поселка. Остальные, сдержанно матерясь, потянулись за ним.

Однако Черный держался как ни в чем не бывало. Можно было подумать, что гулять под проливным дождем – для него самое обыкновенное дело. Ни разу не снизив темпа, он прошел через поселок и взобрался по склону. Здесь он остановился и подождал остальных.

Темная громада завода, подсвеченная редкими прожекторами, была в каких-то пятидесяти метрах от него. Очертания корпусов расплывались в потоках ливня. Рев, настойчиво лезший в уши, здесь был еще громче. Черному показалось, что этот угрожающий звук имеет отношение не только к дождю и ветру. Он наплывал отовсюду, словно это сама земля гудела под ногами. Ему очень не понравился этот звук.

Хмурясь, Черный подозрительно всматривался в темноту. Возле завода не было видно никакого движения. Одиноко пылал прожектор, освещавший ворота и будку охраны. Справа торчал остов строящегося корпуса и шпиль высотного крана над ним. А за спиной у Черного влажно переливались огни города.

Все терпеливо ждали, что скажет Черный. По хмурым лицам стекала вода.

– Мешки не забыли? – сурово спросил Черный.

Козырь похлопал себя по животу – он что-то прятал под курткой.

– Да все на месте, Черный, – сказал он. – И мешки, и взрывчатка. Давай шустрее. Западло под таким душем стоять.

Черный задумчиво посмотрел на него. Гул, шедший отовсюду, становился все громче и навязчивее. Он вселил в душу непонятную тревогу. Черный посмотрел на часы.

– Ладно, двигаем! – мрачно сказал он.

Они направились к заводской стене и нашли давно облюбованный пролом. Через эту дыру ходила половина рабочих. Так что охрана у входа существовала только для непосвященных.

Они проникли на территорию завода и огляделись. Совсем рядом темнели бетонные прямоугольники складов с готовой продукцией. Прямо под дождем стояли два грузовика с прицепами, наполовину загруженные бочками с краской. Тут же рядом под открытым небом стояли резервуары с какой-то химией. В одном из них был хлор – это Черный знал точно. «Для террориста просто подарок, – подумал он. – Подходи, ставь бомбу, никто и не всколыхнется. Был бы Козырь террорист – рванул бы сейчас все это хозяйство, и хана всему городу! Ну, если уж не городу, то заводу и поселку – точно. Братская могила».

Черный пошел вдоль забора, держа курс на аккуратное двухэтажное здание администрации, в котором, собственно, и находилось то, что привело их сюда, – бухгалтерия и касса. Через пять минут около этого здания они должны были встретиться с Зацепой.

Неожиданно Черный остановился как вкопанный и выругался себе под нос. В конторе, по уверениям Зацепы, в это время никого быть не могло, однако на втором этаже ярко горели три окна, и Черный даже различил человеческую тень, мелькнувшую на фоне светлого прямоугольника.

– Твою мать! – повторил он, оборачиваясь. – Это еще что за засада?

Никто не мог ответить ему на этот вопрос. Однако все поняли, что дела идут совсем не так, как было задумано. Сначала этот проливной дождь, потом свет в окне – и что еще за сюрпризы готовит им судьба?

Черный подумал, что ни к чему ломать голову, когда все гораздо лучше объяснит Зацепа, и, приказав остальным ждать его, пошел дальше один. В условленном месте никого не было.

Он подождал оставшиеся две минуты, терпеливо снося холодный душ, который не оставил на нем уже ни одной сухой нитки, но потом начал нервничать. Зацепы не шел. Из-за всех этих неувязок Черный начинал впадать в бешенство. Он мог долго и дотошно готовиться к преступлению, мог смотреть сквозь пальцы на мелкие огрехи, проявляя завидные терпение и выдержку, но когда вдруг оказывалось, что его кинули, Черный мог сорваться и дать волю своему гневу на полную катушку. В таких случаях он себя не сдерживал, хотя прекрасно понимал, что перебарщивает и навивает себе лишние проблемы. Но остановиться он уже не мог.

Вот и сейчас Черный чувствовал, как в душе у него начинает закипать бешеная злоба, которую он сам не всегда мог обуздать. В такую минуту он никому бы не советовал попадаться ему под горячую руку.

Поэтому Зацепы сильно рисковал в этот момент. Задержись он хотя бы еще чуть-чуть, и не миновать бы ему крупных неприятностей. Но он успел, и Черный сумел сдержать готовое выплеснуться наружу раздражение.

Зацепы появился из-за угла, закутанный в какую-то дурацкую накидку из полиэтилена. Форменные брюки охранника были мокры до колен, в ботинках хлюпала вода. Он подскочил к Черному и, приблизив лицо почти вплотную, заговорил трагическим шепотом:

– Что делается, а? Какой-то всемирный потоп, в натуре! Слушай, я едва вырвался – всего на две минуты – сказал напарнику, что живот скрутило. Так что давай по-быстрому, а то нехорошо получится. У нас тут неожиданно сам босс приехал с замом и с бухгалтером – с вечера торчат в конторе. Какие-то неувязки по банковским кредитам...

– Заглохни! – оборвал его Черный. – Что значит – торчат в конторе? Ты же говорил, что дело верное?

– Откуда я мог знать, что он притащится? – обиженно возразил Зацепы. – Он хозяин. Меня в известность не ставит.

– И что же теперь нам делать?

Зацепы помялся.

– А ничего, – сказал он наконец. – Они вроде до утра сидеть собираются. Отложить придется.

– Что отложить? – зловеще спросил Черный. – Завтра бабки работягам раздадут. Что отложить?!

Он сгреб Зацепу за грудки и хорошенько встряхнул. Полиэтиленовая накидка сползла у того с плеч и шлепнулась в грязь. Зацепы мгновенно промок и стал похож на мокрую мышь.

– Ты оборзел, что ли? – прошипел он, пытаясь вырваться. – Я как дежурить буду – мокрый?

– А нам что прикажешь делать? Сказку на ночь послушать и баиньки? Я ради этих бабок через полстраны приехал, я двоих замочил, чтобы тачку добыть! А теперь что получается? Разворачивайся, Черный, езжай обратно?.. Дежурить он собрался, сука! Убью!

Он отшвырнул Зацепу к стене. Тот ударился спиной о каменный угол и с ненавистью посмотрел на Черного.

– А ты что предлагаешь? Завалиться к боссу – где тут у вас касса? Мы ее брать будем, подвиньтесь, пожалуйста?

– А хотя бы и так! – упрямо сказал Черный. – Сколько их там человек?

– Да у тебя и в самом деле крыша поехала! – изумленно воскликнул Зацепа. – Ты против Гладышева пойти хочешь? Да он в городе важнее, чем мэр, понятно? Если с ним что-то случится, тут через полчаса вся милиция будет!

– Попутный ветер ей в задницу, – сказал Черный. – Через полчаса мы далеко будем, не достанут.

– Не загадывай, Черный! – предостерегающе сказал Зацепа. – Слух такой нехороший прошел – вроде бы боссу по междугородке звонили, что Белая из-за дождя из берегов вышла.

– А мне по хрену! – оборвал его Черный. – Какое мне дело до вашей речки?

– Не скажи! – помотал головой Зацепа. – Дождь-то какой? Я такого и не помню. А старики рассказывали, что как-то много лет назад Белая из берегов выходила – по улицам на лодках плавали.

– Ну и что?

– А ничего! Может так получиться, что никуда ты не уедешь. Дороги размочит. Тут же глина кругом. Завязнешь на первом же километре. Слышишь этот шум? Это скорее всего большая вода прет!..

Черный прислушался. Гул, стоявший вокруг, вдруг прервался страшным раскатом грома, который прозвучал, казалось, прямо над их головами. Свет в окнах мигнул. Дождь припустил с еще большей силой.

– Короче, хорош меня уговаривать! – с нажимом сказал Черный. – Я никуда отсюда без бабок не уйду. А потоп нам только на руку. Говори: сколько человек в конторе, сколько на проходной?

– На проходной сейчас только мой напарник, – недовольно сообщил Зацепа. – В конторе – Гладышев, бухгалтер и еще один зам. Плюс два шофера, они же охранники, – но эти внизу сидят. Только ты учитывай, что здесь ночная смена полностью, а это человек тридцать.

– Эти меня не интересуют, – презрительно сказал Черный. – Я не отдел кадров. Теперь слушай меня внимательно, Зацепа! Ты сам меня сюда заманил, так что теперь не отвертись. Пока сейф не возьмем, я никуда не уйду. И ты мне будешь помогать! А иначе сам знаешь... Повезет – получишь свою долю, мы тебя помнем слегка, чтобы следователю глаза замазать, и отвалим. Живи! Может, еще героем станешь, в газетке про тебя напишут. А сейчас возвращайся на свой пост. Если твой напарник почувствует что-то неладное, – главное, не дай ему ментов вызвать. Раньше времени они нам тут не нужны. Головой отвечаешь!

– А ты? – проглотив застрявший в горле комок, спросил Зацепа.

– А мы прямо в контору, – сурово сказал Черный. – За своими бабками... Ну все, ступай! И помни, что я тебе сказал!

Зацепа мрачно посмотрел на него, поправил висящий на поясе пистолет в кобуре, повернулся и, прижимаясь к стене, поспешил обратно. Над заводом полыхнула молния, как на фотографии, зафиксировав бегущего под дождем Зацепу, и почти тут же с оглушительным треском шархнул гром. Будто какая-то чудовищная сила разорвала пополам завод. У Черного заложило уши. Опять мигнул свет.

Черный метнулся назад сквозь стену дождя и почти сразу же наткнулся на три ссутулившиеся фигуры.

– Ну что там? – с нетерпением спросил Фермер.

– Будем брать, – коротко сказал Черный. – Но теперь все меняется. Готовьте пушки.

– Опять мокруха? – недовольно протянул Козырь. – Ты же обещал...

– Обещает поп, – отрезал Черный. – Райское блаженство на небесах. Все изменилось. Расклад, короче, такой. Внизу сидят два жлоба. Их надо сделать без шума. У тебя, Козырь, есть глушак, поэтому пойдешь вместе со мной. Кончаем охранников и сразу наверх, где окна светятся. Там можно будет не стесняться. Если будут сопротивляться – кончаем всех. Но все-таки лучше одного оставить. Вдруг скажет что-нибудь интересное.

– А кто там?

– Самый главный с кассиром, – ухмыльнулся Черный. – Бабло считают.

На его ухмылку никто не откликнулся.

– А если накроют, Черный? – с тревогой спросил Фермер. – Тут даже куда бежать не видно.

– А ты за мной беги, – зло сказал Черный. – И никаких забот. Все, хватит базарить! Я сказал, готовьте пушки!

Он резко взмахнул рукой, словно намереваясь ударить кого-то по лицу, но не ударил, а повернулся и побежал вдоль здания. Остальные, будто очнувшись от тяжелого сна, неохотно подались следом. У входа Козырь замешкался, наворачивая на ствол глушитель.

– Копаешься, мать твою! – процедил Черный. – Запомни, как ворвемся, твой будет тот, кто будет стоять левее, мой – правее. И постарайся с первого выстрела!

Козырь молча кивнул. Черный оглянулся. Вовчик и Фермер мялись у него за спиной.

– Не копайтесь! – буркнул он. – Делаем все быстро!

Он бесшумно открыл дверь и проскользнул в здание. Под крышей, в сухом помещении у него возникло странное ощущение, будто с плеч сняли тяжелый неприятный груз. Дальше была еще одна дверь. Он одним махом вышиб ее в сторону и влетел в коридор без окон, где по стенам горели закрытые плафонами светильники. В конце коридора была лестница, а прежде – ряд стульев с низкой спинкой. На стульях сидели два плотных молодых человека со стриженными затылками. Они разговаривали. Оба располагались справа.

Услышав шум, они разом повернули головы, и один из них попытался встать. Черный, не целясь, выстрелил. Пуля чиркнула по плечу стоящего и выбила из стены кусок штукатурки. Черный тут же выстрелил снова, и человек упал спиной на своего товарища. Тот попытался удержать его, но только связал себе этим руки. В него выстрелил Козырь – спокойно, как на тренировке. Парень схватился за грудь и клюнул носом в паркет. Все было кончено.

Черный обернулся. Остальные уже были рядом. С их одежды текла вода, оставляя на полу многочисленные лужицы. Лица их были бледны, но решительны. В руках они сжимали пистолеты.

Черный махнул рукой и побежал к лестнице. Остальные топали за ним, не особенно заботясь о конспирации.

Они уже взбегали по ступенькам, как вдруг снаружи еще раз душераздирающе шарханул раскат грома. Молния ударила где-то совсем рядом. Все невольно остановились. И в этот момент погас свет.

Черный подождал пять секунд, надеясь, что свет загорится снова. Но время шло, а вокруг по-прежнему была полная темнота.

– Ни хрена себе! – тихо пробормотал Козырь. – Энергию вырубili. Как же мы в темноте бабки считать будем?

Черный выругался с досады. Он допустил непростительную ошибку – вышел на дело ночью, но без фонаря. Фонариков не было ни у кого из них. Если случилась серьезная авария, то им и в самом деле придется действовать на ощупь.

– Вовчик! – шепотом приказал он. – Быстро сгоняй на улицу – посмотри, в других корпусах свет есть?

Вовчик убежал и через минуту вернулся.

– Черный, труба! – взволнованно сказал он. – Вокруг темнотища, как у негра... Нигде ни огонька! Город весь вырубило!

– Значит, подстанция накрылась, – хмуро сказал Фермер. – Молния в нее ударила. Теперь хана!

– Не каркай! – оборвал его Черный. – Прорвемся.

Глава 5

Обед, который устроил для них Самохин, прошел не слишком весело. Пропустить по рюмочке с хозяином согласился только Мачколян, остальные отказались наотрез. Каждый по-своему переживал неприятный инцидент, случившийся на окраине города. Для Грачева это было почти логическое завершение их бестолковой миссии. Пожалуй, подсознательно он ожидал чего-то подобного, поэтому даже не очень расстроился и позволил пошутить на эту тему, обратившись к Самохину:

– Ну вот примерно в таком ключе мы и работаем. Сначала кто-то делает глупость, потом все расхлебываем. Поскольку делаем это дружно, то обычно все получается. Но, конечно, гораздо продуктивнее было бы не делать глупостей.

– Человек без глупостей жить не может, дорогой! – авторитетно заявил на это Мачколян, который с большим аппетитом уплетал уже слегка остывшие закуски. – Человек – это животное, которое умеет ошибаться. Философ сказал.

– Не-е-ет, тут не ваша глупость! – покаянно восклицал Самохин, сжимая огромные кулаки. – Тут моя глупость, поскольку сразу не настоял на обеде. Приняли бы по соточке, как полагается, расслабились, и все было бы в ажуре. Виданное ли дело – шататься по этим задворкам! Тут такого отчаянного народа понаехало! Не поверите – на ходу подметки режут! Сейчас ведь с работой туго. И все эти алкаши-каменщики, водопроводчики, плотники никуда не делись. Летят туда, где можно хоть рубль урвать. С одной стороны, это хорошо – рабочая сила, а с другой – самая настоящая язва на теле города, потому что сами видели. Это ведь не местные были, голову даю на отсечение, это залетные орлы. У этого, седого, десятирик просто на морде написан...

Величко в дискуссии участия не принимал, только слушал и время от времени хмыкал, а вскоре и вовсе ушел проверить, как чувствует себя Граф. Самохин обещание сдержал, и Графу предложили довольно приличный обед где-то в районе ресторанной кухни, но персонал после этого предпочел в этом районе не появляться, и Величко боялся, как бы Граф не заскучал в одиночестве.

Скучал Граф или нет, неизвестно, но вот Максимов был за обедом на редкость задумчив, и только в глазах у него время от времени мелькал странный огонек, который очень не нравился Грачеву. Этот огонек появлялся в глазах Макса довольно часто и означал только одно – в его жизни появилась еще одна женщина, с которой он намерен связать навеки свою судьбу. Никаких сомнений насчет личности этой женщины ни у кого не было. Вся группа уже имела честь с ней познакомиться, все знали, что у нее есть жених, что зовут ее Таней, что работает она в газете и даже то, что у нее разбито колено. Все эти признаки указывали на то, что Таня может сыграть в жизни их товарища роковую роль, и, похоже, ему самому это нравилось. Грачев испытывал совсем другие чувства и решил, что за Максом сейчас нужен глаз да глаз.

Однако вслед за Величко ушел Пантюхин, который сказал, что ему нужно посмотреть машину, а потом смылся и Макс, да так ловко, что хватились его, только когда того и след простыл. Грачев еще надеялся, что Макс любезничает с кем-нибудь из женского персонала здесь, в ресторане, но этот самый женский персонал сообщил, что «симпатичный мужчина с грустными глазами» только что ушел. Даже видели, как он покупал цветы в киоске напротив. Грачев понял, что случай даже более тяжелый, чем казалось вначале.

Обед был скомкан. Самохин так расстроился, что даже забыл забрать последнюю коробку из машины. Забыли про нее и остальные и вспомнили лишь в тот момент, когда Самохин устроил их в гостиницу и попрощался, пообещав прийти с утра пораньше.

Коробку нашел Пантюхин и сварливым тоном сообщил, что их обчистили, но он тут ни при чем, потому что глаз с машины не спускал и вообще посторонние дела его не каса-

ются. Коробка действительно оказалась вскрыта, и одной рации в ней не хватало. Грачеву не пришлось долго ломать голову над загадочным похищением. Интуиция подсказывала ему, что рацию позаимствовал Максимов, который не хотел до конца терять связь с друзьями, особенно после первой неудачной прогулки по чужому городу.

Это предположение вскоре блестяще подтвердилось. Грачев забрал коробку в номер и на всякий случай привел одну рацию в рабочее состояние. Примерно через полчаса последовал сигнал вызова, и бодрый, но несколько придушенный голос Максимова сообщил, что с ним все в порядке, но до утра его можно не ждать, потому что он собирается провести ночь на свежем воздухе.

– Ты какого черта чужую рацию спер, герой-любовник? – сердито спросил, переходя на передающий режим, Грачев. – Ума у тебя немного, это всем известно, но хоть совесть-то у тебя осталась? Ответь мне на этот вопрос. Прием.

– Я же не навсегда ее взял, – с обидой откликнулся Максимов. – Вдруг чего, ситуация какая – так вы меня всегда найти можете. Вот тоже мне... рацию спер!

– Спер однозначно, – выслушав его, сказал Грачев. – И ушел тайком, как тать. И вообще, такое впечатление, что ты только о себе и думаешь... Завтра я с тобой поговорю по душам! всю дорогу, пока обратно ехать будем, я тебе нотации читать буду! И даже не проси пощады, жалеть не стану.

Но когда он перешел на прием, Максимов лишь сбивчиво объяснил, что разговаривать больше не может и должен заняться неотложными делами, о содержании которых он распространяться не стал.

– Да плюнь ты! – посоветовал Грачеву Величко, который лежал на кровати и смотрел в потолок. – Знаешь ведь, что, если Макс завелся, остановить его может только природный катаклизм или новая большая любовь. Нужно просто подождать, пока что-нибудь из этого случится.

– Типун тебе на язык, дорогой! – с упреком сказал Мачколян, который, стоя у окна, рассматривал небо на западе. – Я не про любовь, а про катаклизм. Не нравится мне нынешний закат, совсем не нравится! Слишком красивый. Рождает предчувствия. Вспомните, что по радио говорили!

– Просто ты слишком плотно поел, – хладнокровно объяснил Величко. – Когда сильно набьешь брюхо, всегда появляются предчувствия и страшные сны снятся. Вот бери пример с нас с Графом. Мы умеренны в еде и питье, а оттого никакими предчувствиями не страдаем. А между прочим, животное должно заранее чувствовать любой катаклизм. Скажи, по Графу заметно, чтобы он беспокоился?

Мачколян обернулся и критически посмотрел на Графа, который, распластавшись, лежал с высунутым языком возле кровати хозяина. Выражение морды у него было, как обычно, строгое и внимательное.

– По твоему Графу вообще ни черта не поймешь, – сказал Мачколян. – Сфинкс какой-то. По-моему, ему главное, чтобы хозяина никто не кантовал, а там пускай хоть весь мир рушится.

– Не скажи, – возразил Грачев. – Как он сегодня долбанул того, длинного? Бедняга на карачках от него побежал. У Графа хорошо развито чувство коллективизма, гораздо лучше, чем у некоторых двуногих.

– Я вот только одного не пойму, – подал голос Величко. – Неужели эта красавица-журналистка так быстро поддалась чарам нашего Макса? При живом-то женихе? А иначе где он намерен кантоваться всю ночь?

– А ничего удивительного, – прогудел Мачколян. – Макс умеет запудрить мозги. Наверняка он сейчас заливает ей, как озабочен безобразиями, творящимися в этом городе. С горящими глазами говорит про экологию, а сам держит ее за руку. И вот увидите, она проникнется

его сладкими речами. Он еще будет через каждое дежурство мотаться в Бельск, попомните мое слово!

За разговорами время пролетело незаметно. Начало смеркаться. Тревожный багровый огонь заката бил в окна. Величко вышел прогулять пса, а когда вернулся, то сообщил, что наверняка атмосферное давление падает и будет дождь. Ужинать не пошли – аппетита ни у кого не было. Все устали после долгого жаркого дня и уже часов в девять уснули, так и не зажигая в номере света.

Первым около полуночи проснулся Величко. Граф, лежавший рядом с кроватью, ткнулся холодным носом в его руку. Величко открыл глаза.

В стекла сердито стучал ветер. На улице выло и грохотало. Черноту ночи время от времени прорезывали белые сполохи молний. Потом как-то разом загудел и обрушился на город дождь.

Величко поднялся и подошел к окну. Грачев поднял голову с подушки и сипловатым спросонья голосом осведомился:

– Ну что, накаркали?

– Просто верно спрогнозировали, – усмехнулся Величко.

– Это я сказал, – гордо заявил Мачколян, который тоже проснулся. – Меня ощущения не обманывают.

Величко всмотрелся в городской пейзаж за окном. Ночная улица была пуста – только идущий сплошной стеной дождь. Свет уличных фонарей вздрагивал и пропадал на мгновение. По мостовой бежал пенистый поток. В воздухе стоял угрожающий гул ветра и низвергающейся с неба воды.

– А дело-то, между прочим, труба, ребята! – вдруг негромко сказал Величко. – Случай нетипичный. Это не летний дождик. Если это надолго, а что-то подсказывает мне, что так оно и есть, то неизбежны большие неприятности.

– То есть оборванные провода, поваленные деревья, нарушенная связь и покореженные автомобили? – спросил Мачколян. – Тут еще и для нас найдется работенка!

– Черт бы вас побрал с вашим языком! – в сердцах сказал Грачев, сбрасывая одеяло и поднимаясь. – Наша задача как можно скорее отсюда отчалить, а вы еще какую-то работенку ищите!

– Насчет отчалить может получиться буквально, – заметил Величко. – Я вот прикидываю тут в уме... Город лежит в низине, река под боком, осадки...

– Вот черти! – удивленно сказал Мачколян. – Весь сон пропал! С вами, ребята, не соскучишься. Только вы об одном забыли – служба тут еще не организована, диспетчера нет, и никто нас никуда не вызовет. Можно спокойно отдыхать дальше.

Ослепительная молния сверкнула за окном. И тут же раздался оглушительный треск, поглотивший все остальные звуки вокруг.

Грачев поежился.

– Ишь, как его разбирает! – пробормотал он. – Действительно – катаклизм. Я что-то такой бури в наших краях и не припомню.

Теперь они уже втроем пялились в окна. Картина разбушевавшейся стихии вызывала невольное уважение и какой-то древний, спрятанный в глубине подсознания страх.

– Самое время для романтических прогулок, – буркнул Грачев. – Я про Макса говорю. Где он, интересно, сейчас шатается?

– Ну для него-то лучшего предлога, чтобы напроситься в гости, и не найти! – засмеялся Мачколян. – Только законченная стерва выгонит мужчину в такую погоду на улицу. Точно вам говорю, он сейчас в ее доме семейный альбом рассматривает. И чай с вареньем пьет.

– Чаю бы я сейчас тоже выпил, – мечтательно сказал Величко. – Может, у Пантюхина есть?

Пантюхина поселили отдельно, в одноместном номере, и он был этим чрезвычайно доволен.

– Ты что, в полночь пойдешь к Пантюхину чай просить? – удивился Грачев. – Считаю, будешь его врагом номер один навеки. Да и на чем мы его вскипятим?

– А надо в шкафу порыться, в тумбочках, – предложил Мачколян. – Случается, постояльцы забывают всякие предметы.

– Гораздо чаще постояльцы лямзят всякие предметы, – возразил Грачев. – Но вообще-то чайку я бы сейчас выпил с удовольствием. Зажги-ка свет, Ашот!

Мачколян направился к выключателю, но в этот момент опять шарахнул раскат грома, и он невольно остановился.

– Моя мама в детстве говорила, чтобы я во время грозы к электричеству даже не приближался, – сказал он из темноты. – Потому что меня может убить громом. И я до сих пор ей верю. Может, ты, Грач, сам попробуешь?

– Ага, значит, меня тебе не жалко! – усмехнулся Грачев. – Не валяй дурака, включай! Таковую тушу громом не убьешь, бесполезно. Наверное, когда мама тебе это говорила, она не знала, в какую громадину превратится ее сыночек.

– Да, я был совсем маленький и худой, – с гордостью сказал Мачколян. – В школе меня до седьмого класса все били.

– А после седьмого?

– А после седьмого во мне уже было восемьдесят кило, – с удовольствием вспомнил Мачколян. – Все остальные на моем фоне были как мухи.

Он щелкнул выключателем, но ничего не произошло, в комнате по-прежнему было темно, как в подвале. Лишь мелькавшие в небе отсветы молний высвечивали напряженные силуэты у окна.

– Света нет! – растерянно сообщил Мачколян.

– Манхэттен погрузился во тьму, – констатировал Величко. – Теперь нужно бы выяснить, временные ли это трудности и что администрация гостиницы намерена делать, чтобы исправить положение.

Словно отвечая ему, в коридоре вдруг забубнили встревоженные голоса. Кто-то, шараясь о стены, пробежал мимо их номера.

– Кажется, администрация в растерянности, – сказал Грачев. – Пойдемте смотреть. Все равно спать уже не получится.

Они оделись и вышли из номера. Отовсюду слышались торопливые шаги, скрип дверей, по стенам шарахались бледные отсветы то ли свечей, то ли карманных фонариков. Спасатели на ощупь спустились по лестнице и попытались разыскать администратора. Это им долго не удавалось. Вестибюль постепенно наполнился встревоженными постояльцами. Людей, которым после полуночи позарез требовался электрический свет, оказалось на удивление много.

Наконец появился администратор с длинным полицейским фонариком в руках и бодрым голосом предложил разойтись по номерам и не создавать паники. Он размахивал фонариком и просил всех иметь совесть. Делать в темном вестибюле было, собственно говоря, нечего, поэтому большая часть жильцов разошлась. Администратор тоже хотел куда-то убежать, но Грачев преградил ему дорогу и потребовал объяснить, что произошло.

– О, господи! Ну что? Ну что произошло? – натянутым как струна голосом заговорил администратор. – Выключили свет. Какая-то авария. Идите по своим номерам, товарищи!

– Какая-то авария – это не аргумент, – возразил Грачев. – Вы звонили в службу электросетей?

– Это мое дело, куда я звонил, – раздраженно сказал администратор, шагнул в сторону и налетел на внимательно слушавшего разговор Графа. – Ах, черт! Что это такое?! Уф-ф! Откуда тут эта страшная собака? Кто разрешил? Уберите немедленно!

Граф негромко, но очень внушительно рыкнул, и человек с фонариком испуганно отскочил назад.

– О собаке была договоренность с вашим директором, – мягко сказал Величко. – И она вас не тронет, если вы не будете так быстро размахивать руками. Кстати, и вам будет удобнее. Вы же ничего так не видите.

Администратор, сердито сопя, медленно отступил назад. Совету он внял, и его руки перестали летать. Свет фонаря сосредоточился на телефонном аппарате, стоявшем на стойке.

– Вот, пожалуйста, полюбуйтесь! – сказал он неожиданно жалобным тоном. – Связь тоже не работает. Не побегу же я на подстанцию в такую погоду! Я и сам ни черта не знаю. Вырубili энергию безо всякого предупреждения, а представьте себе, что будет твориться на кухне, если света до утра не будет! Потекут все холодильники!

Грачев молча подошел к телефону и снял трубку. В наушнике стояла мертвая тишина.

– Амба, – сказал он. – Белое безмолвие.

Величко, не говоря ни слова, подошел к входной двери и распахнул ее. В помещение ворвался наполненный влагой ветер. Полетели холодные брызги. Величко, будто не замечая ливня, вышел на улицу. Весь город был погружен во тьму. Лишь вспышки молний на мгновение выхватывали из этой тьмы размытые силуэты черных зданий и встрепанных деревьев. Зрелище было жутковатое.

Величко вернулся в гостиницу, мокрый и озабоченный.

– Дело плохо, – сказал он. – Судя по всему, накрылась подстанция.

Глава 6

В темноте затопали торопливые шаги, и кто-то ступил на верхнюю ступеньку лестницы. Спускаться он поостерегся, а только окликнул:

– Сережа! Виктор! Вы там? Что такое случилось?

Ответом ему была тишина. Предупрежденные Черным подельники помалкивали и ничем не выдавали своего присутствия.

– Сережа! – еще раз крикнул человек, не скрывая досады. – Где вы там, черт возьми! Исчезли!..

Он сделал два неуверенных шага вниз, но потом передумал и быстро пошел обратно. Черный услышал, как скрипнула дверь, а потом послышались приглушенные голоса. Вскоре они сделались громче, и в коридор вышли уже трое.

– Давай, Савельев, дуй к дежурному механику! – приказал властный голос. – И пусть что хочет делает, но чтобы автономное электроснабжение было запущено! Максимум даю двадцать минут. Если через двадцать минут света не будет, обоих выкину к чертовой матери!

– Слушаюсь, Игорь Владимирович! – упавшим голосом сказал тот, что минуту назад искал Сережу.

Он опять затопал к лестнице, нащупал в темноте перила.

– А ты, Викентий, давай, работай! – продолжал властный голос. – Ноутбук при тебе? Вот и переходи на него.

– Так как же, Игорь Владимирович! – попытался протестовать невидимый Викентий. – Это что же, все снова начинать, выходит?

– Выходит! – отрезал начальник. – Спать завтра будем. Сегодня мы должны схему наработать, кровь из носу!

Савельев спускался по лестнице. Черный прижался к перилам, стараясь сделаться незаметнее. Он даже притянул к себе за рукав Вовчика, чтобы не высовывался. Но Савельев внезапно остановился, – видимо, что-то почувствовал.

– Кто здесь? – сдавленным голосом проговорил он, щупая в темноте рукой. – Сережа, ты? Пальцы его коснулись мокрой куртки Фермера. Тот инстинктивно отшатнулся.

– Кто здесь?! – уже истерически выкрикнул Савельев.

– Ты что там орешь? – спросили сверху.

– Игорь Владимирович! – завопил Савельев, бросаясь обратно. – Здесь чужие!

– Закрой пасть, сволочь! – с досадой сказал Черный и ударил наугад, на голос.

Он попал Савельеву в плечо, но удар был сильный, и тот упал.

– Мочи его, Вовчик! – приказал Черный и кинулся наверх.

Фермер и Козырь побежали за ним. Но прежде чем они оказались на верхней площадке, в коридоре хлопнула дверь и отчетливо щелкнул замок.

– Ах, сука! – зло выругался Черный. – Где он?

В коридоре было несколько дверей, и все были заперты. Как ни прислушивался Черный, ни за одной из дверей ему не удалось расслышать ни звука. Зацепа в свое время рисовал ему план конторы, но сейчас в темноте все выглядело совершенно по-другому. Если бы можно было хотя бы зажечь спичку, было бы проще, но о спичках сейчас оставалось только мечтать. Проклятая погода! Черный не был уверен, что нашел нужную дверь. К тому же обязательно нужно было обезвредить начальника – под шумок он мог устроить им любой сюрприз.

– Ломайте все двери! – распорядился Черный. – И побыстрее!

– Тут двери укрепленные, – рассудительно заметил Козырь, испытавший самую близкую к нему дверь на прочность. – Боюсь, что придется шашкой брать.

Черный задумался. В этот момент, тяжело дыша, снизу пробрался Вовчик и возбужденным шепотом сообщил:

– Черный, ты где? Этот готов! Даже не пикнул. Я его...

– Заткнись! – оборвал его Черный. – Не до тебя. Ищите, куда они спрятались! Услышите хоть шорох – сразу говорите!

– Да где тут услышать! – рассудительно заметил Козырь. – На улице грохочет и вообще... Говорю, рвануть нужно. Взрывчатки у нас хватит.

Он специально говорил громко, чтобы слышали люди, спрятавшиеся в кабинете. Так он надеялся напугать их и, кажется, добился своей цели. За одной из дверей послышался шум, и прежний властный голос отрывисто спросил:

– Кто вы такие? Что вам нужно?

– Спонсор нам нужен! – презрительно выкрикнул Черный. – Открывай, а то сами откроем!

– Да я сейчас охрану вызову! – пригрозил изнутри хозяин. – Фарш из вас сделают.

Черный не боялся охраны – он знал, что таковой практически не было. Вряд ли Гладышев мог сейчас использовать и внутризаводскую связь – такие штуки не работают без электричества. Но его смущал один нюанс. Черный не мог знать, действует ли сотовая связь. Если Гладышев может пользоваться мобильником, то ментов он вызовет непременно. И даже со скидкой на погоду, времени в таком случае у них будет кот наплакал.

– Из нас фарш хреновый! – зло сказал он, приблизив лицо к двери. – Одни кости и жилы. А вот из тебя, олигарх, мы сейчас паштет точно сделаем! Если через десять секунд не откроешь, мы рванем эту богадельню, не сомневайся.

Ответа не последовало. Черный прижался ухом к двери. В комнате очень резко слышался шум непогоды. Из щели под дверью дуло. «Через окно уходят! – вдруг сообразил он. – Ах, падлы!»

– Вовчик, Фермер – вниз быстро! – скороговоркой приказал он. – Внизу их ловите. И если чего – оставайтесь там, чтобы не ушли.

– Мочить можно? Понято, – радостно ответил Вовчик, устремляясь к лестнице. – Вот такая жизнь по мне! Тут мне и на дождь плевать!..

– Козырь, готовь заряд! – продолжал Черный. – Только не копайся! Да у тебя там все промокло небось?

– Обижаешь, начальник! – укоризненно произнес Козырь, на ощупь раскладывая по полу свои снасти. – У меня все герметично. Вот только посветил бы кто...

– Чем я тебе посвечу, хреном, что ли? – сердито отозвался Черный. – Как в армии давай, с закрытыми глазами...

Вдруг на улице стукнул выстрел. Полный ужаса человеческий крик резанул по ушам, но тут же потонул в раскатах грома. Черный вскинул голову.

– Ах, уроды! – сказал он с чувством. – Ничего путем сделать не могут. Давай быстрее!

– С тротилом спешить нельзя, Черный! – спокойно ответил Козырь. – Особенно когда не видать ни хрена.

Черный на какое-то время отвлекся на Козыря с его шашками и пропустил очень важный момент. Он даже не понял, что произошло. Просто вдруг рядом с ним будто что-то взорвалось, обдав его жаром и деревянной крошкой. В правом ухе у него зазвенело, а потом он вообще перестал что-либо слышать.

Он упал на пол и несколько секунд лежал неподвижно, приходя в себя. Слух постепенно возвращался. Потом Черный почувствовал, как грубая рука шарит по его телу.

– Ты живой? – тревожно спросил из темноты Козырь.

– Вроде, – пробормотал Черный, переворачиваясь на бок и приподнимаясь. – Что это было? Я думал, твоя шашка рванула.

– Если бы моя рванула, мы бы с тобой сейчас в раю базарили, – серьезно ответил Козырь. – Среди ангелочков. Из кабинета стреляли. Из ружья, похоже.

– Вот сука! – удивленно протянул Черный. – Он еще трепыхается! Ну дай только до него добраться!

– Слышь, Черный, – вдруг задумчиво сказал Козырь. – Там на лестнице лежит... Которого Вовчик завалил – у него, может, спички есть? Или зажигалка? Без света мы беды наделаем.

– Сейчас принесу, – милостиво согласился Черный. – Следи за дверью.

Действительно, в кармане убитого обнаружилась зажигалка. Черный взял заодно и бумажник, и записную книжку. Читать ее он не собирался, но бумага могла пригодиться для освещения.

Когда загорелся первый огонек, Козырь воодушевился.

– Сейчас мы ее наладим, – пообещал он, распаковывая свои заготовки. – У меня тут взрыватель от батарейки, а можно и от шнура. Как лучше?

– Это ты сам думай, как лучше, – разозлился Черный. – Мало того, что я ему свечку держу, так он еще мне мозги парит.

– Ладно, запалим от шнура, – с удовольствием сказал Козырь. – Шарахнет будь здоров!

Он быстро наладил шашку, вставил взрыватель, потом вопросительно посмотрел на Черного.

– Теперь прикрепить надо, – сказал он. – Пальнуть может.

– Брось под дверь, – сквозь зубы посоветовал Черный. – И рвем когти.

Он зажег еще один листок из записной книжки. Козырь, сжав губы, запалил от него фитиль и швырнул шашку под дверь кабинета, в котором засел Гладышев. Потом они оба сорвались с места и бросились вниз по лестнице. Когда они оказались на нижней ступеньке, наверху грохнуло так, что посыпалась штукатурка.

– Твою мать! Они у тебя все рванули, что ли? – спросил Черный.

– Смеешься? – отозвался Козырь, взмахивая рукой, в которой держал увесистый пакет. – Все под контролем.

В коридоре вдруг вспыхнул свет. Это было чахоточное желтоватое свечение, подрагивающее, как пламя в догорающем костре, но все-таки это был свет. Козырь и Черный задрали головы и посмотрели на тлеющие светильники.

– Автономное запустили, – решил Козырь. – Быстрее нам надо.

– Пошли! – кивнул Черный.

Держа в руках пистолеты, они побежали вверх, внимательно следя за лестницей. Дверь кабинета была выворочена взрывом. В тусклом свете они увидели пол, усыпанный кусками штукатурки и щепками, а у стены – бледного человека в костюме, с лицом, залитым кровью. Он сидел в неловкой позе и одной рукой силился поднять помповое ружье. Вторая рука неподвижно висела вдоль туловища.

Черный посмотрел на трясущееся дуло ружья, которое медленно, но неуклонно поднималось все выше, и выстрелил Гладышеву прямо в грудь. Тот вздрогнул, дернул головой и уронил ружье. Ярко вспыхнул свет – точно врубили мощный прожектор – и тут же погас окончательно. Темнота после этого казалась плотной, как камень.

– Ну, бляха-муха! – расстроился Козырь. – Где сейф?

– Стой, сейф! – пробормотал Черный, опускаясь на колени около убитого им Гладышева и осматривая его карманы. – Зачем нам лишний шум. У этого кореша ключи должны быть...

Вскоре он издал торжествующий возглас и поднялся, звеня ключами.

– Теперь ты свети! – приказал он. – Сейф должен быть вон в том углу, между шкафом и столом. В стену вделанный. Ключ подобрать надо.

Ключей было много, но нужного никак не находилось. Козырь занервничал.

– Черный, лучше рвануть, точно тебе говорю! Может, у него с собой вообще того ключа не было? Время теряем!

Черный его не слушал, упрямо искал ключ.

– Лучше сходи за пацанами, – наконец посоветовал он Козырю. – Клянут там небось все на свете... Заодно посмотришь, чего там снаружи.

Козырь собирался уже уйти, как вдруг внизу хлопнула дверь. Послышались шаги. Они замерли, схватившись за пистолеты. Шаги затихли, а потом снова слышались – теперь совсем рядом. По коридору скользнул луч фонарика.

– Черный, ты здесь? – слышался сдавленный шепот Зацепы.

Черный перевел дух.

– Что ж ты крадешься, как мент, зараза? – зло крикнул он. – Пулю захотел? Ну-ка, гребни сюда! Нам фонарик как раз нужен. Мог бы и раньше догадаться!

Зацепа почти вбежал в комнату, сказал срывающимся голосом:

– Черный, когти рвать надо!

– Что, менты? – насторожился Черный.

– Хуже! На заводе что-то случилось. Похоже, пожар! Автономное пускали, и, видать, замкнуло что-то. Паника! Народ на проходную ломанулся, сейчас и сюда прибегут – пожарную вызывать! Уходить надо!

– У тебя что, крыша поехала? – холодно спросил Черный. – Я что, на экскурсию сюда пришел? У меня тут четыре трупа! А ты мне уходить предлагаешь?

– Если огонь до склада доберется, мы тоже все трупами будем, – с отчаянием сказал Зацепа. – Я на это не согласен, Черный!

– А твоего согласия никто не спрашивает, – отрезал Черный. – Здесь я решаю. Ступай к ребятам внизу и следи, чтобы сюда никто не вошел.

– Да ты ни хрена не понимаешь! – завопил Зацепа. – Это хуже, чем на пороховом складе! Когда рванет, мы все здесь загнемся! Это же химия!

– Закрой пасть! И делай, что тебе сказано! – Черный вытолкнул Зацепу в коридор. – Где твоя охрана? Где напарник?

– Дозвониться пытается, – задыхаясь, ответил Зацепа. – В пожарку. Может сюда прибежать.

– Может, но не должен, – жестко сказал Черный. – Ты меня понял?

Они видели только силуэты друг друга, но у обоих было ощущение, словно они смотрят друг другу в глаза. Зацепа сдался.

– Ладно, – буркнул он. – Но не забудь, что я сказал. Если здесь рванет...

Черный вырвал у него из руки фонарик, толкнул в плечо и круто развернулся. Из кабинета донесся возбужденный голос Козыря.

– Пока ты там базарил, – сообщил он, – я все сделал. Рвем?

В его пальцах плясал огонек – листок бумаги почти догорел. Черный направил луч фонаря на дверцу сейфа – взрывчатка была уже заложена.

– Валяй! – буркнул он. – Разнесем все здесь к чертовой матери!

Козырь поджег бикфордов шнур и увлек Черного к выходу. Они сбежали вниз по лестнице. Над их головами прокатился раскат грома, звук которого смешался со взрывом тротила. Неожиданно Черный побежал дальше и выскочил на улицу. Удивленный Козырь последовал за ним.

На территории завода было темно, как в лесу. Лишь в широких окнах одного из корпусов металась багровая отблески. Сквозь шум дождя прорывались какие-то отчаянные крики. Из-за угла вдруг выметнулся насквозь мокрый Зацепа, подскочил к Черному.

– Чего ты ждешь? – истерически прокричал он. – Где бабки? Уходить надо!

– Значит, так, – деловито сказал Черный. – Там где-то стоит тачка вашего шефа. Подгони ее сюда, прямо к дверям. И еще пошли Вовчика, что ли, – пусть предупредит Изюма, чтобы у дыры нас не ждал, а ехал прямо на дорогу, которая к подстанции ведет. Сюда никого не пускать! Все, действуй!

Зацепа хотел что-то сказать, но Черный не стал его слушать. Вместе с Козырем они побежали наверх. Черный посветил фонарем. Они увидели развороченный сейф и разбросанные повсюду пачки денег. Они были упакованы в аккуратную полиэтиленовую оболочку, но некоторые из них все же повредило взрывом.

– Осторожней не мог, придурок? – прорычал Черный. – Как их теперь собирать в темноте?!

Он чиркнул лучом фонарика вправо-влево. На мгновение мелькнуло окровавленное перекошенное лицо мертвого Гладышева. Пристыженный Козырь опустился на колени и принялся ползать по полу, собирая пачки денег и швыряя их в брезентовый мешок. Черный и сам бы занялся этим, но подумал, что Козырь справится быстрее, если он будет ему светить. Но вообще в душе он испытывал огромное разочарование – на первый взгляд денег в сейфе было маловато – на пять миллионов никак не тянуло. И никакой валюты в этом сейфе, конечно, не было. Нужно было проверить еще сейф самого Гладышева. Его кабинет был в конце коридора.

– Все подобрал? – нетерпеливо спросил он у Козыря через минуту.

– Сейчас, – задуманным голосом пробормотал тот. – Посвети-ка вот сюда...

Он ползал по полу еще несколько секунд, а потом резко поднялся, выдохнув:

– Все, похоже!

– Пошли хозяина трясти! – заявил Черный. – Там наверняка зелень есть.

Собственно, он-то хозяина уже слегка пощипал. Пальцы Черного нащупали в собственном кармане пухлый бумажник Гладышева, и он довольно усмехнулся. Но это была малая толика тех богатств, на которые Черный рассчитывал.

Козырь подобрал пакет с остатками взрывчатки и вышел в коридор – с пакетом в одной руке, с мешком денег в другой. Черный собирался уже отправиться за ним, но что-то удержало его. Он подошел к окну и выглянул во двор.

Увиденное неприятно поразило его. Ливень не унимался. Но сквозь низвергающиеся на землю потоки воды, сквозь ребристые стекла заводского цеха все сильнее просвечивало упругое багровое пламя. Внутри завода надувался огромный раскаленный шар – точно заготовка у стеклодува. Черному стало не по себе. Он выругался.

И в этот момент заводской корпус, на который он смотрел, будто взорвался. Черному показалось, что каменные стены пошли трещинами, и сквозь них брызнули завивающиеся языки огня. Грохнуло так, что все предыдущие взрывы показались детскими игрушками. Черного отбросило от окошка на середину кабинета. Во всех окнах разом вылетели стекла, и сырой ветер с негодующим воем ворвался в помещения. А следом с территории раздался еще один сильный хлопок, и снова послышались крики.

Черный встряхнул головой. На нервы он не жаловался, но сейчас даже он был ошеломлен. Зрелище вырвавшейся на свободу огненной стихии подействовало на него очень сильно. Он вдруг вспомнил про хлор и прочую химическую дрянь, о которой рассказывал Зацепа и которая находилась где-то тут же, под боком. Черный ощутил неприятный холодок в животе.

Он опять подскочил к окну. Лицо его обдало холодными крупными брызгами. Снаружи опять было темно. Огонь немного пригас, и Черный обрадовался, решив, что пожар самоликвидировался, но тут же из всех щелей снова вырвалось огненное пламя и побежало ручейками по двору. Они гасли под потоками ливня, но тут же опять вспыхивали в новых местах. Прямо во дворе на глазах Черного взорвалась какая-то бочка. На ее месте образовался пузырящийся красный шар, который подпрыгнул и пропал, оставив после себя клоч вонючего черного дыма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.